

01
140

С. К. Кузнецовъ.

Черемисская секта

КУГУ СОРТА.

Опытъ изслѣдованія религіозныхъ движеній среди
поволжскихъ инородцевъ.

Plus exemplo, quam verbo.

Естественномъ законна творять.

Ап. Павлѣ.

(Оттискъ изъ „Этнографическаго Обзорѣнія“, кн. 79).

МОСКВА.

Типографіи Императорскаго Московскаго Университета.

1909.

М 01
140

С. К. Кузнецовъ.

Черемисская секта КУГУ СОРТА.

Опытъ изслѣдованія религіозныхъ движеній среди
поволжскихъ инородцевъ.

Plus exemplo, quam verbo.
Естественномъ законна творять.
Ан. Павелъ.

(Оттискъ изъ „Этнографическаго Обзорѣнія“, кн. 79).

МОСКВА.
Типографія Императорскаго Московскаго Университета.
1909.

Черемисская секта кугу сорта.

ГЛАВА I.

Старое дѣленіе черемисъ на крещеныхъ и язычниковъ. Экономическое состояніе послѣднихъ. Начало грамотности среди черемисъ. Роль учителей изъ семинаристовъ. Критическое отношеніе черемисской молодежи къ родной дѣйствительности. Письмо учителя Жилипа о появленіи секты кугу сорта. Личность основателя секты. Его реформы въ области вѣрованій и жертвеннаго ритуала. Проповѣдь воздержанія. Отношеніе черемисъ къ повсей вѣрѣ на первыхъ порахъ. Сектанты на Казанской выставкѣ 1890 г. Перечень выставленныхъ ими предметовъ.

За послѣднія двадцать пять—тридцать лѣтъ въ жизни черемисъ замѣтенъ большой переломъ.

И раньше черемисы дѣлились на двѣ, рѣзко разграниченныя половины: одна явно и болѣе или менѣе искренно держалась христіанства, другая соблюдала христіанскіе обряды чисто внѣшнимъ образомъ, что называется изъ-подъ палки, т.-е. только по принужденію. Такъ повелось издавна. Всего лучше чувствовали себя *чи мари*, некрещеные черемисы, сохранявшіе древнія языческія вѣрованія. Тогда какъ остальные черемисы время отъ времени подвергались преслѣдованіямъ за отступничество отъ христіанства, извѣстнаго имъ только по имени, преслѣдованіямъ, которыя на старомъ канцелярскомъ языкѣ мягко назывались „ислѣдованіями“, язычники жили совершенно мирно, усердно молились въ священныя рощахъ своимъ богамъ; они исправно занимались земледѣліемъ, скотоводствомъ и пчеловодствомъ, жили совершенно патриархально и сильно богатѣли. Умѣренные въ домашнемъ быту, почти все необходимое производя своими собственными руками, язычники черемисы богато и торжественно справляли всѣ жертвоприношенія своимъ богамъ. Въ то время какъ крещеные черемисы повсемѣстно роптали на поборы духовенства, язычники не знали ничего подобнаго, и та свобода, съ которою они отправля-

ли свое языческое богослуженіе, возбуждала чувство зависти у крещеныхъ, потому что язычники не испытывали въ дѣлахъ вѣры никакихъ притѣсненій отъ духовенства и свѣтскихъ властей, особенно послѣ того какъ большая роща при дер. *Kujrån solå* въ Уржумскомъ уѣздѣ Высочайшимъ повелѣніемъ отдана была язычникамъ для невозбраннаго совершенія языческихъ жертвоприношеній.

Но время начинало брать свое. Съ увеличеніемъ числа земскихъ школъ, къ черемисамъ начала проникать грамотность, а слѣдомъ за ней у молодежи появилось критическое отношеніе къ черемисской дѣйствительности. Начало такого явленія относится еще къ 60-мъ годамъ минувшаго столѣтія, когда очень многіе изъ кончившихъ курсъ Вятской духовной семинаріи стали поступать въ учителя земскихъ школъ; особенно много такихъ учителей появилось на земской службѣ въ Уржумскомъ, Яранскомъ и Малмыжскомъ уу. Благотворное вліяніе этихъ учителей какъ на учениковъ, такъ и на окружающее населеніе было вѣдъ всякаго сомнѣнія. Иные изъ нихъ съ теченіемъ времени сдѣлались священниками и съ честью проходили свое служеніе. Присматриваясь къ черемисскому быту, не могли они оставить безъ вниманія того двоювѣрія, въ которомъ находились крещеные черемисы.

Путемъ частыхъ бесѣдъ со школьниками, удалось имъ незамѣтно привить молодому поколѣнію убѣжденіе въ безполезности и разорительности кровавыхъ жертвоприношеній, на которыя такъ часто тратились язычники, а по ихъ примѣру и крещеные черемисы. Особенно грандіозны были подобныя жертвоприношенія, начиная со второй половины 70-хъ годовъ, напр. въ 1875 и въ 1878 годахъ. Такъ какъ собесѣдованія учителей носили совершенно частный характеръ, не имѣли въ себѣ ничего начальственнаго, то они и производили болѣе сильное впечатлѣніе, нежели облеченія и не всегда умѣлыя увѣщанія духовенства. Особенно плодотворны были подобныя бесѣды въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ подвизались два наиболѣе симпатичныхъ учителя: *А. М. Костровъ* и *А. Жилинъ* (позднѣе священникъ). Послѣдній учительствовалъ сначала въ с. *Кимль*, почти на границѣ Уржумскаго и Яранскаго уу., потомъ былъ священникомъ въ с. *Верхъ-Ушмуръ*, а первый въ с. *Сертуръ*, вблизи отъ главной языческой святыни черемисъ.

Около 1880 г. Жилинъ началъ замѣчать какое-то возбужденіе

среди черемисъ: они собирались кучками и о чемъ-то оживленно бесѣдовали. Сначала отъ школьничковъ, а потомъ и отъ взрослыхъ черемисъ Жилинъ узналъ, что предметомъ оживленныхъ бесѣдъ черемисъ служить новая секта *кугу сорта*, появившаяся среди язычниковъ въ предѣлахъ Ернурской волости, близъ с. *Ермуръ* (Яранскаго уѣзда Вятской губ.).

Путемъ распросовъ Жилину очень скоро удалось установить, что секту основалъ черемисинъ язычникъ, только недавно уволенный въ безсрочный отпускъ гвардеецъ. Во время службы своей въ Петербургѣ онъ приобрѣлъ нѣкоторый лоскъ и умѣнье обращаться съ людьми. Происходя изъ языческой семьи, онъ съ дѣтскихъ лѣтъ присмотрѣлся къ кровавымъ жертвоприношеніямъ, посѣщая вмѣстѣ со своими семейными священныя рощи черемисъ. Пока онъ находился въ военной службѣ, на него оказывали сильное вліяніе бесѣды съ сослуживцами, которыя велись въ гвардейскихъ казармахъ. Простой народъ, какъ извѣстно, очень любитъ бесѣдовать о вопросахъ вѣры. Въ казармахъ были представители разныхъ вѣръ и разныхъ народностей, и всѣ они одинаково осуждали кровавыя жертвоприношенія. Тщетно нашъ черемисинъ доказывалъ древность своей Адамовой вѣры: онъ долженъ былъ согласиться, что вѣра эта устарѣла, что Богъ—совсѣмъ не кровожадное существо и ничуть не нуждается въ кровавыхъ жертвахъ; особенно запомнились ему ѣдкія нападки товарищей на черемисское многобожіе. Характерно, что съ черемисскимъ дуализмомъ всѣ собесѣдники легко мирились, но имъ казалось въ высшей степени забавно, что верховный Богъ черемисъ остается совсѣмъ безъ дѣла, такъ какъ подручные ему боги каждый безотчетно завѣдуеть своей частью: одинъ скотомъ, другой пчелами, третій земными произрастеніями и т. д.

Подъ вліяніемъ этихъ бесѣдъ, у гвардейца созрѣлъ планъ радикальной реформы черемисской вѣры. Вернувшись на родину, онъ скоро нашелъ себѣ помощниковъ, въ лицѣ родного брата и сосѣда по деревнѣ, и втроемъ выработали они проектъ новой вѣры. Они упразднили всѣхъ боговъ и оставили одного верховнаго *Кугу Юмъ*; точно также низложенъ былъ злобный *Керметъ* съ его обширнымъ штатомъ, но дуализмъ все-таки сохранился, потому что носителемъ злого начала остался *Шайтанъ* и масса мелкихъ духовъ. Очистительнымъ началомъ реформаторы наши выставили не огонь,

а воду, быть можетъ потому, что огонь не столько очищаетъ, сколько уничтожаетъ все попавшее въ его власть; вода же самымъ нагляднымъ образомъ способствуетъ удаленію нечистоты. Отвергнувъ принесеніе въ жертву животныхъ, реформаторы ввели жертвы изъ муки, масла и меда, но самую важную жертвой былъ признанъ пчелиный воскъ, какъ вещество, лишенное всякаго животнаго начала; изъ этого воска готовится одна огромная свѣча, напоминающая собою внушительныхъ размѣровъ цилиндръ; сверхъ того допущены восковыя свѣчи меньшихъ размѣровъ, числомъ не болѣе девяти. Изъ жертвеннаго обихода удалено все металлическое и даже гончарное: вся посуда сдѣлана изъ липоваго и березоваго дерева. Но бывшій гвардеецъ невольно сказался въ томъ, что въ число жертвенныхъ орудій для отогнанія шайтана введено было деревянное ружье и такая же сабля, обшитыя холстомъ.

Съ уничтоженіемъ кровавыхъ жертвъ, исчезла теперь у черемисъ постоянная надобность въ священныхъ рощахъ и въ разведеніи многочисленныхъ жертвенныхъ костровъ: отнынѣ моленія могли совершаться даже въ обыкновенной жилой избѣ, болѣе или менѣе чисто прибранной. Кромѣ жертвеннаго стола, на которомъ середину занимаетъ большая восковая свѣча, а по краямъ расположено все приносимое божеству, найдено было нужнымъ ввести еще другой столъ, на который раскладываются принадлежности новаго языческаго культа: сабля, ружье, а также запасныя восковыя свѣчи. Оба стола стоятъ на подстилкѣ изъ чистаго пеньковаго холста; кромѣ того отъ самаго стола длинный холстъ протянутъ изъ избы на дворъ и идетъ до ближайшаго водовмѣстилища—колодца, ключа или рѣчки, дабы очищающая стихія имѣла непрерывный доступъ къ мѣсту моленія.

Этимъ не ограничились всѣ реформы, введенныя основателемъ новой секты: посмотрѣвши въ молодости, какимъ излишествомъ, какому объяденію и опивству предавались послѣ жертвоприношенія черемисы, реформаторъ началъ проповѣдь полнаго воздержанія, въ особенности отъ хмельныхъ напитковъ. Основатель секты и его ближайшіе сотрудники совершали свои моленія по новому обряду совершенно открыто, нисколько не таясь предъ своими единоплеменниками; входъ для нихъ былъ совершенно свободенъ, и только русскіе не допускались.

Всѣ вышеприведенныя подробности покойный Жилинъ изложилъ въ пространномъ письмѣ къ бывшему инспекторѣ народныхъ училищъ Уржумскаго у. В. К. Магнитскому, нѣкогда своему прямому начальнику, а послѣдній передалъ это письмо мнѣ, передъ самой поѣздкой моею къ черемисамъ въ 1881 г. Кой-что въ этомъ письмѣ оказалось невѣрнымъ, иное пропущено. Въ ту пору мнѣ не удалось попасть на жертвоприношеніе новой секты, и я не могъ узнать о ней болѣе того, чѣмъ сообщало письмо Жилина къ Магнитскому; я собралъ только свѣдѣнія о томъ, что число прозелитовъ новой вѣры ограничивается пока лишь нѣсколькими дворами въ той деревнѣ, гдѣ жилъ ея основатель; что сектанты сами себя называютъ *они маріи*—„бѣлыми черемисами“, хранителями древней вѣры „настоящихъ черемисъ“ (*чи маріи*), еще не испорченныхъ христіанствомъ. Выѣстѣ съ тѣмъ я констатировалъ, что секта возбуждала большое вниманіе черемисъ, и многіе пріѣзжали издалека, чтобы ознакомиться со словъ основателя съ новымъ вѣроученіемъ и своими глазами видѣть ритуаль секты *кугу сорта*. Можно было также констатировать, что рядовые язычествующіе черемисы относились къ новой вѣрѣ въ меньшинствѣ благосклонно, а въ большинствѣ—безразлично; зато черемисы, придерживающіеся русской вѣры, съ презрѣніемъ относились къ новоявленному вѣроученію и въ насмѣшку прозвали новую вѣру „большою свѣчой“—*кугу сорта*, такъ какъ кромѣ этой свѣчи на первыхъ порахъ ровно ничего не усматривали въ новой вѣрѣ, а жрецы не скрывали своего негодованія, хотя негодующихъ было ничтожное меньшинство. Въ ту пору я 8 дней прожилъ у верховнаго жреца черемисъ *Токная* и былъ необычайно удивленъ обнаруженной имъ полною терпимостью къ новой сектѣ.

О новой сектѣ было вообще мало слышно, и на нее никто не обратилъ вниманія. Въ 1885 г. я перешелъ на службу въ Сибирь и надолго утратилъ живую связь съ черемисами. Въ 1890 г. я командованъ былъ Томскимъ университетомъ на Казанскую научно-промышленную выставку. Посѣщая историко-географическое отдѣленіе выставки, я увидалъ полный наборъ богослужебныхъ предметовъ, выставленный по собственному почину однимъ изъ основателей секты—Якмановымъ, фамилію котораго я теперь только узналъ. Теперь же стало для меня ясно, что совсѣмъ пропущено

въ письмѣ Жилина и что изложено недостаточно вѣрно. Даю полный перечень всѣхъ выставленныхъ предметовъ, съ записанными тогда же черемисскими названіями.

На подстилкѣ изъ „пеньковаго холста“ (*муш-винёр*) стояли два стола (*ѹитѣл*): одинъ липовый, другой березовый.

А. На „березовомъ столѣ“ (*куѣ ѹитѣл*): поставлены: 1) два деревянные „блюда“ (*теркѣ*).

2) Обшитое пеньковымъ холстомъ деревянное „ружьё“ (*пучѣл*).

3) Деревянная „сабля“ (*кёрдѣ*) для отогнанія шайтана, также обшита холстомъ.

4) Круглый „овсяный хлѣбъ“ (*шобакшѣх*).

5) Пучекъ изъ девяти самоѣльныхъ „восковыхъ свѣчей“ (*шѣитѣ сортѣ*), длиною 9 1/2 вершковъ каждая; 8 свѣчей не превышали толщины средняго пальца, а одна достигала до вершка толщины.

6) Восковая подставка для свѣчей, на подобіе массивнаго низкаго цилиндра, семи вершковъ въ діаметрѣ.

В. На „липовомъ столѣ“ (*ністѣ ѹитѣл*) расположены были предметы другого рода.

1) Средину стола занимала восковая подставка для свѣчей, такихъ же размѣровъ, какъ и на березовомъ столѣ, и на ней лежало семь восковыхъ свѣчей указанной выше мѣры, при чемъ одна была толще остальныхъ.

2) Два куска дерева для добыванія живого огня; одинъ кусокъ имѣлъ форму небольшого липоваго полѣнца съ обтесанными концами, чтобы ловчѣе было держать въ рукахъ, а другой представлялъ собою простой березовый четырехгранный брусокъ.

3) Кусокъ вываренной въ кипяткѣ „березовой губки“ (*куѣ понѣй—трутѣ*).

4) Деревянная (березовая) „ступка“ (*шур*) для приготовленія муки и при ней пестъ (*шур бѣндѣ*).

5) Два „бурака“ (*летѣлс*) для жертвенныхъ напитковъ и при каждомъ „черпакъ“ (*куѣ коркѣ*).

6) Три „ковша“ съ длинными рѣзными черенками (*шѣилык*).

7) Четыре малыхъ ковша съ короткими ручками (*коркѣ*).

8) Большая „разливательная ложка“ (*саблѣ*).

9) „Холщевая сумка“ (*винёр шѣбѣнѣ*) со сверткомъ пеньковаго волокна (*муш*), изъ котораго готовится свѣтильня для восковыхъ свѣчей.

10) Небольшой „мѣдный ножикъ“ (*той кюэ*) съ березовой ручкой для разрѣзанія жертвеннаго хлѣба, и наконецъ—

11) Холщевый колпакъ (*калпак*), надѣваемый основателемъ секты при моленіи; колпакъ этотъ похожъ не то на женскую шашмуру (повойникъ), не то на татарскую тюбетейку; снизу колпакъ этотъ совершенно гладкій, а на верхушкѣ со сборками и небольшимъ папирнымъ кружкомъ.

С. Сбоку на полу лежали: а) гусли (*күслэ*), б) барабанъ малыхъ размѣровъ (*түмбур*, яранск. *түмбёр*), с) волынка (*шубур*, яранск. *шибур*), и d) *пуч*—длинная труба, сплетенная изъ лыкъ.

Всѣ вещи выглядѣли новенькими, чистенькими, и видимо были нарочно заготовлены для выставки. На выставкѣ оказались сами основатели секты, братья Якмановы, которые по очереди объясняли значеніе выставленныхъ предметовъ; подобное объясненіе начиналось обыкновенно съ 8 ч. утра и тянулось часа 2 съ перерывами. Оказалось, что Якмановъ явился на выставку со всѣми принадлежностями культа по собственному почину. Ко времени выставки секта успѣла достаточно окрѣпнуть, число прозелитовъ съ каждымъ днемъ увеличивалось, и вотъ захотѣлось Якманову показать, что въ его новой вѣрѣ нѣтъ ничего зазорнаго, вреднаго или запрещеннаго. Основатель секты ничего не скрывалъ, „потому что, говорилъ онъ, въ нашей вѣрѣ нѣтъ ничего тайнаго: приходи каждый и спрашивай, о чемъ угодно,—мы ничего не утаимъ“. Мало того, онъ приготовилъ для выставки письменное изложеніе основъ новой вѣры, въ которомъ смѣшаннымъ черемисско-русскимъ языкомъ попытался отмѣтить все существенное, чѣмъ эта вѣра отличается отъ другихъ.

Обратимся къ этому документу.

ГЛАВА II.

Сектапское исповѣданіе вѣры. Комментарій къ нему. Почитаніе пятницы. Жертвенные столы: березовый и липовый. Восковья свѣчи; ихъ длина, свѣтильня и способъ приготовленія. Восковой кругъ. Неупотребленіе меду и воску отъ умершихъ пчель. Медъ; медовщина и медовая сыта. Овсяный хлѣбъ на меду. Ржанья лепешки на меду. Блины, каша, коровай ржаного хлѣба. Значеніе термина „непечатый“. Коровье масло и творожныя лепешки. Ступка и пестъ; приготовленіе муки. Деревянный или живой огонь. Трутъ, солома и стружки. Роль печового шестка. Бѣшнее выраженіе почтенія къ Божеству: поклоны, коленнопреклоненіе, воздѣяніе рукъ. Молитва. Сектапская идея о единомъ Богѣ; его жена. Устраненіе пророковъ, докладчиковъ и по-славцовъ вмѣстѣ съ прочими богами. Авгелъ храпнтель.

Олимпъ стараго черемискаго язычества. Штаты боговъ. Смутное пред-ставленіе о Великомъ Богѣ. Скудость мифическихъ сказаній. Значеніе Якма-нова въ созданіи новой вѣры. Половая свобода молодежи у сектаптовъ. Величіе едиваго Бога. Сектапская молитва: о прощеніи грѣховъ, объ изба-вленіи отъ бѣдствій, молитва за Царя, вошество и всѣхъ добрыхъ людей, за умершихъ. Списокъ запрещенныхъ (свинина, кобылятина, медвѣдь, заяцъ и бѣлка, равно прочіе звѣри и дикія птицы) и дозволенныхъ живъ (куры, яйца, рыба, капуста). Запрещеніе вина, чаю, табаку. Уничтоженіе кровавыхъ жертвъ.

Написанный на полулистѣ сѣрой бумаги, документъ этотъ мало обращалъ на себя вниманія. Между тѣмъ онъ содержитъ не бо-лѣе, ни менѣе какъ изложеніе всѣхъ особенностей новаго вѣро-ученія, и что въ родѣ кугусортинскаго „символа вѣры.“ Начавъ съ описанія обстановки моленія, документъ этотъ приводитъ пе-речень жертвъ, содержаніе молитвы Великому Богу, списокъ все-го дозволеннаго и запрѣщеннаго для употребленія въ пищу, спи-сокъ запрещенныхъ напитковъ и, наконецъ, даетъ указаніе на то, что сектапты не допускаютъ кровавыхъ жертвъ.

Приводимъ точную копію этого документа, причемъ недостаю-щія знаки препинанія ставимъ въ скобкахъ, а новую мысль отъ предыдущей отдѣляемъ знакомъ || .

На Казанскую выставку.

*Краткое разъяснение наблюдателей древно-черемиско-языческой
опры Черемисъ Яранскаго уезда.*

Моленіе бываетъ дежеятницу ¹⁾ || къ моленію па столъ ²⁾ приготавлиемъ слѣдующее: кладемъ кругъ воска (,) на которой ставимъ *шеште—сортà* ³⁾ (—)восковыя свѣчи высотой 9½ вершковъ ⁴⁾ (,) свѣтильно ⁵⁾ изъ конопляннаго пѣнки ⁶⁾, пекрученное и непрядено ⁷⁾, || за немѣніемъ восковаго круга ⁸⁾ свѣчи ставимъ на коровай хлѣба, || воскъ и медъ отъ умершихъ пчель ⁹⁾ нами не употребляется. (sic) Къ моленію, а считаемъ за грѣхъ ¹⁰⁾ поставитъ Богу, || *мѹм* ¹¹⁾ (—)медъ въ кадкѣ и блюдѣ ставится, *пѹрò* ¹²⁾ (,) т. е. мѣдовщину и *широ-шорба* ¹³⁾ (—)пеквашенный мѣдовщину || ставится *шобакшàх* ¹⁴⁾, изъ овсяной муки на меду, прѣсные лѣпõшки (—)*шорба-гінде* ¹⁵⁾, *мелнà-теркнль* ¹⁶⁾—блѣны (на) блюдѣ, *нелѣр теркэм* ¹⁷⁾ (—)изъ овсяной крупы кашу, *киндеркеи* ¹⁸⁾ *тыкмиши сукѹром пѹитэнà* ¹⁹⁾ (—)коровай непочатаго ²⁰⁾ ржанаго хлѣба, *ѹм* и *туварàм* ²¹⁾ *пѹитэнà* (—)скоровное ²²⁾ масло и творожныя лѣпõшки безъ соли ²³⁾, || изъ хлѣба (sic) ²⁴⁾ изготавляется для языческаго моленія посредствомъ толченіе въ ступкѣ ²⁵⁾, || по изготавленіи всего этаго, огонь для зажганія восковыхъ свѣчѣй достаемъ изъ берозоваго и линоваго дерева ²⁶⁾ и изъ соломы ²⁷⁾ посредствомъ треніе.

Моленіе бываетъ такъ: всѣ стоимъ па ногахъ, некрестясь, одѣвши поклонами ²⁸⁾ до одного ²⁹⁾ съ усердіемъ просимъ Высочайшаго Бога ³⁰⁾, чтобы онъ простилъ намъ грѣхи ³¹⁾, далъ здравія : намъ и нашему скоту, ураждалъ хлѣбовъ, сохранилъ бы отъ всѣхъ несчастныхъ бѣдствій ³²⁾, благодаримъ Высочайшаго Бога за все прежнее ³³⁾, приносимъ моленіе за Царя и за его вѣсь Царскій домъ ³⁴⁾, за все Воинство ³⁵⁾, начальство и добрыхъ людей ³⁶⁾, за всѣхъ умершихъ ³⁷⁾, которыя бы уготовали (sic) Царствіе Небесное ³⁸⁾. Въ пищу никогда неупотребляемъ ³⁹⁾ изъ скота : свинину ⁴⁰⁾, кобылятину ⁴¹⁾, изъ звѣрей : медвѣдя ⁴²⁾, зайца и бѣлку ⁴³⁾ и проч. (,) изъ птицъ : куриць ⁴⁴⁾ и прочихъ

лѣсныхъ птицъ ⁴⁵⁾ и яицы ⁴⁶⁾, изъ огородныхъ овощей: капу-
сту ⁴⁷⁾, || остальное ⁴⁸⁾ неупотребляемъ, || вина ⁴⁹⁾ никакого,
не пьемъ, чаю тоже ⁵⁰⁾, табакъ некуримъ ⁵¹⁾ и неюхаемъ
Кровопротія ⁵²⁾ намолбствіе непронзводимъ.

Это „исповѣданіе вѣры“ соблюдателей древней черемисской вѣ-
ры требуетъ сложнаго комментарія. Если въ ту пору (1890) все
вышеизложенное строго соблюдалось, то вѣриѣ всего—только въ
кружкѣ ближайшихъ къ основателю секты лицъ. Запретительный
списокъ всего того, отъ чего сектантъ долженъ воздерживаться,
слишкомъ великъ и слишкомъ неудобноисполнимъ для зауряднаго
черемисина - прозелита; поэтому современный бытъ сектантовъ
даетъ довольно много мелкихъ отступленій отъ завѣтовъ основа-
теля. Кроме того въ приводимомъ малограмотномъ текстѣ есть
много темнаго и неяснаго. Постараемся подробно разсмотрѣть всѣ
мелочи, равно невразумительныя выраженія въ „исповѣданіи вѣры“
кугу-сортинцевъ.

1) *дежепятницу*. Оригинальное слово это построено черемисскимъ
грамотеемъ примѣнительно къ слову *ежедневно*, но начальное мяг-
кое е (*йе* или *је*) получило своеобразную фонетическую окраску
въ произношеніи черемисина и отразилось на его графикѣ. *Пят-*
ница у всѣхъ черемисъ издревле почитается, равносильна нашему
воскресенью и называется *куарнй* (т.-е. *кудъ арнй*)—„великая не-
дѣля“, „большой недѣльный день“; къ этому дню приурочены всѣ
крупныя моленія черемисъ въ честь добрыхъ боговъ: а) въ Пет-
ровъ постъ—ближайшая къ Петрову дню (29 іюня) пятница,
в) въ концѣ іюля—ближайшая къ Ильину дню (20 іюля) пятни-
ца и т. д. Неудивительно, что пятница осталась и у кугу-сортин-
цевъ. Вопреки общепринятому мнѣнію, я не отношу возникнове-
ніе почитанія пятницы у нашихъ приволжскихъ финновъ къ на-
чалу распространенія мусульманства въ Приволжьѣ и Прикамьѣ,
а считаю его болѣе древнимъ, когда и славяне чтили пятницу,
посвященную богинѣ любви *Лодо*; почитаніе пятницы сохранялось
въ Западной Руси до XVI в., и сейчасъ пережиткомъ его является
почитаніе русскими повсемѣстно двѣнадцати пятницъ послѣ Пасхи.

2) *на столъ*. Здѣсь разумѣется столъ березовый, играющій роль
жертвенника (*шѣны*), устраиваемаго въ священной роцѣ язычн-
ковъ. Такъ какъ березу особенно возлюбили добрые боги и съ
ней связаны у черемисъ легенды о происхожденіи блага чере-

мисскаго костюма и проч., то эта береза осталась и у кугусортинцевъ главнымъ священнымъ деревомъ, изъ котораго сооружается жертвенный столъ. Типы этихъ столовъ довольно однообразны: на четырехъ ножкахъ, связанныхъ вверху рамой (царга), укрѣпляется столешница изъ двухъ или трехъ (смотря по ширинѣ) досокъ. Все это изготовляется изъ березоваго дерева, на березовыхъ же гвоздяхъ. Въмѣсто столешницы изъ досокъ случалось мнѣ видѣть берестяную настилку, пришитую къ царгѣ березовыми прутьями. Кромѣ березоваго стола устраняется еще липовый—для хранения на немъ богослужебной утвари. Длина столешницы березоваго стола имѣетъ 7 четвертей, какъ и липоваго. Вышины ножекъ и ширины столешницы я, къ сожалѣнію, не смѣрялъ.

3) *шеите сорта*, слѣдовало бы написать *шиитѣ сорта*—восковая свѣча. Такія свѣчи издревле признавались единственно достойными для возжиганія Божеству; ни масло, ни сало, никакой другой освѣтительный матеріалъ не допускались для этой цѣли у черемисъ; такой же порядокъ соблюдается у мордвы, чувашъ, вотяковъ и крещенныхъ татаръ, придерживающихся старой шаманской вѣры. При постановкѣ свѣчей на восковой кругъ наблюдается, чтобы на липовомъ столѣ было 7 свѣчей, на березовомъ 9; въ срединѣ обыкновенно помѣщается большая свѣча (*кугу сорта*), а кругомъ нея звѣздообразно—6 тонкихъ свѣчей на липовомъ и 8 тонкихъ на березовомъ столѣ. Оба эти числа—семь и девять—имѣютъ мистическое значеніе; но только число 7 сектанты приурочиваютъ къ числу дней недѣли, а относительно 9 не даютъ никакихъ объясненій.

4) $9\frac{1}{2}$ *вершковъ*. Черемисы сохранили мистическое значеніе чиселъ 7 и 9; такъ, они насчитываютъ 9 міровъ, среди которыхъ земля занимаетъ послѣднее мѣсто; всѣхъ вѣръ на землѣ 77; умершему въ 7-й день по смерти (равно какъ въ 40-й) обязательно предлагается угощеніе. Это же послѣднее число примѣнено къ свѣчамъ, но почему явился тутъ лишній $\frac{1}{2}$ вершокъ, понять нетрудно. Этой мѣры придерживаются всѣ вообще сектанты, объясняя дѣло довольно просто: свѣча раскатывается на столѣ, принимая цилиндрическую форму, подъ давленіемъ дощечки съ ручкой наверху; нижній конецъ свѣчи гладко срѣзается, чтобы удобнѣе было его ставить на восковой кругъ, а верхъ слегка утончается около свѣтильни и обрѣзать его трудно, потому что свѣтильня (какъ

ниже увидимъ) этого не допускасть, ибо нужно, чтобы конецъ ея выставлялся. Сходящій постепенно на-нѣтъ верхній конецъ не имѣеть, понятно, нормальной толщины, поэтому, чтобы *не поуртшишь* на счетъ узаконенной длины, сектанты прибавляютъ лишній $\frac{1}{2}$ вершка. Что касается толщины свѣчей, то она рѣдко бывасть тоньше мизинца, но достигаетъ часто толщины полувершка и болѣе. 9-вершковый размѣръ восковыхъ свѣчей издавна въ употребленіи на языческихъ моленіяхъ черемисъ въ рощахъ, равно и на парадныхъ домашнихъ моленіяхъ. При жертвоприношеніяхъ Кереметю свѣчи употребляются тонкія и меньшаго размѣра, а на поминкахъ только ближайшіе родственники и недавно умершіе получаютъ настоящія свѣчи; остальнымъ покойникамъ ставятъ короткіе обрѣзки. Воскъ для свѣчей употребляется всегда желтый (неотбѣленный), непремѣнно свой черемисскій, а не купленный у инноплеменника.

5) *свѣтильно*, вм. „свѣтильня“.

6) *изъ коноплянаго тѣлки*. Основатель секты не думаетъ этимъ сказать, что есть еще другая пенька, кромѣ конопляной; онъ хочетъ лишь выразить, что для свѣтильни пригодна только *конопля (муш)*, какъ женскій элементъ растенія, въ противоположность *поскоти (пачиди)*—элементу мужскому.

7) *искручено и непрядено*. Какъ извѣстно, наша церковь употребляетъ восковыя свѣчи со свѣтильной, скрученной изъ пряденой фабричной хлопчатой бумаги; старообрядцы и русскіе крестьяне для самодѣльныхъ восковыхъ свѣчей примѣняютъ крученую свѣтильню изъ льняныхъ нитокъ; язычествующіе инородцы постоянно употребляютъ для этой цѣли свѣтильню, скрученную изъ пеньковыхъ волоконъ, взятыхъ прямо изъ непряденаго повѣсма. Основатель секты забраковалъ тотъ и другой способъ: кугусортницы берутъ прядь волоконъ пеньки, тщательно расправляютъ и вытягиваютъ ее и кладутъ на длинный лентообразный кусокъ нагрѣтаго воска, прикрывая его сверху другой полоской воска, а потомъ, загнувъ на нижней восковой полоскѣ кромку, начинаютъ катать по столу, нажимая дощечку, и придаютъ свѣчкѣ обычную цилиндрическую форму.

8) *восковаго круга*. Кругъ этотъ наз. теперь *шишитъ ѳѣд* и долженъ обязательно имѣть 7 вершковъ ширины, или діаметра; толщина его—дѣло случайное, но она всегда довольно внушительна,

и кругъ этотъ имѣеть форму низкаго, довольно тяжелаго по вѣсу цилиндра, замѣтно возвышаясь надъ поверхностью стола. Для полученія круга, обыкновенно расплавленный воскъ выливають въ кадлушку или шайку нужныхъ размѣровъ, въ которую предварительно налито немного горячей воды; эта вода мѣшаетъ воску пристать къ стѣнкамъ сосуда, и кругъ воска такимъ образомъ легко вынимается. Слышно, что сектанты побѣдише вмѣсто толстаго воскового цилиндра употребляютъ тонкую восковую лепешку соответствующаго діаметра, а если нѣтъ средствъ и для этого—просто коровай хлѣба. И коровай, и кругъ замѣняютъ собою, такимъ образомъ, большой подсвѣчникъ. У остальныхъ черемисъ восковыя свѣчи прилѣпляются въ роцѣ къ особой перекладинѣ, устраниваемой на нѣкоторомъ возвышеніи надъ престоломъ.

9) *воскъ и медь отъ умершихъ пчелъ нами не употребляется.* Здѣсь цѣлкомъ выражается древне-черемисское воззрѣніе на чистоту жертвы Божеству. Приносимая жертва у сторонниковъ кроваваго культа должна быть *чиста* (т.-е. омыта водою или выкупана), *непорочна* (т.-е. не испытывавшая случки), безъ всякихъ недостатковъ или уродства (напр. хромая, слѣпая), не только совершенно здоровая, но даже не испытывавшая никакой болѣзни. Понятно, что воскъ и медь, оскверненные смертью пчелъ, непригодны для жертвы Богу: было бы насмѣшкою надъ Божествомъ употреблять ихъ въ дѣло. Даже русскіе воздерживаются готовить свѣчи изъ такого воска или дѣлать поминальный канунъ изъ подобнаго меду, а объ остальныхъ инородцахъ я уже не говорю.

10) *считаемъ за грѣхъ.* Это воззрѣніе сектантовъ представляетъ уже нѣкоторое приспособленіе къ христіанскимъ воззрѣніямъ. Язычникъ черемисинъ во всемъ, чтò составляетъ отступленіе отъ ритуала, видитъ не грѣхъ (*сѣлык*), а ошибку, промахъ (*язык*). Сами они объясняютъ эти промахи тѣмъ, что у нихъ нѣтъ записаннаго откровенія свыше, нѣтъ закона, почему всегда можно въ чемъ-нибудь сдѣлать уклоненіе отъ освященнаго вѣками, стало быть—угоднаго Богу порядка. Вотъ почему черемисы боятся, что при моленіи они всегда могутъ сдѣлать отступленіе въ чемъ-либо. Это прекрасно выражается въ извинительной молитвѣ, читаемой язычниками въ роцѣ на другой день послѣ жертвоприпошенія.

Приводимъ эту любопытную молитву.

Пóрõ Кугù Юмõ!

Ала ыштэн кучэн шына мóшто,
ала нашакáа киттэпé, нашакáа йол-
дэнé логална;

ала кóчкын—юн шына мóшто,
ала кúзе-гычии подрáш-шáмычõм
позышна,

ала йолдэнé тошкышна,
ала нургэм вóктэн пáжён, кúбар-пá-
кы нурэн каэн;

ала лулэгõм йыжынг мудé пужышна,
ала шорáн нурчэмтэнé Тыйын оп-
чыкет толна;

ала „айда, лáжé!“ кутáрышна,
ала óнчыл шомáком шенкéчын ка-
ласышна...

Ме пзи ёрнэзэ-шáмыч гáйы улна,
курымáш огынал!..

Миний кучáа пужылтэщ, адэмáт
йы́лмодэ́нэ тукня...

Пóрõ Кугù Юмõ, серлáга!

Добрый, великий Боже!

Можетъ быть—держать (жертву) мы
не съумели,

можетъ быть—нечистою рукой, м. б.
грязною ногой прикоснулись;

можетъ быть—эли-нили неумѣло,
можетъ быть—съ ножа куски уронили,

можетъ быть—погой топтали,
можетъ быть—къ одеждѣ приста́ло, на
поль упало;

можетъ быть—пе пайдя суставонъ, ко-
сти переломал,

можетъ быть—нѣ загаженной одеждѣ *)
пришли передъ Тебя;

можетъ быть—„айда, ладно!“ говорпли,
можетъ быть—передаетъ слово назад
сказали...

Мы—какъ малые ребята, мы—смерт-
ные!..

Лошадь съ конытомъ—екользитъ, че-
ловкъ съ лзыкомъ—запинается...

Добрый, великий Боже, помилуй!

11) *мүм*—медь въ кадкѣ и блюдо ставится. Конструкция не выдержана: слѣдовало бы сказать: „*му*—медь ставится“. На выставкѣ не было никакой кадкѣ, но, наблюдая кугусортинскія моленія, я видалъ иногда, что въ липовой кадкѣ (вмѣсто бурака) ставилась медовщина, а въ блюдѣ—сотовый медъ для изготовленія сыты, если бы заготовленной не хватило.

12) *пүрõ*, т.-е. *медовщину* (вм. „медовщина“). Напитокъ, приготовляемый изъ солода путемъ броженія, иначе „пиво“, наз. у черемисъ *пурá*, въ царевokokш. говорѣ *сырá* (ср. вотское *сыр*); медовщина же большею частью наз. *пурэ*, въ яранск. говорѣ *пурõ*, но не *пүрõ*, какъ пишетъ Якмановъ.

13) *шýра-шорбá*—неквашенный медовщину (вм. „неквашенная медовщина“). Словомъ *шорбá* черемисы наз. медовую сыту, т.-е. сотовый или перепущенный медъ, разведенный въ горячей водѣ; обыкновенно эта сыта, наряду съ кумышкой, приносится въ жертву на моленіяхъ остальныхъ черемисъ, но такъ какъ кугусортинцы водки не употребляютъ и не допускаютъ кумышки на моленіяхъ

*) *Шорáн вургэм*—vestis obscata.

и въ домашнемъ обиходѣ, то они возстановили употребленіе древнѣйша госвогo напитка *турѣ* для жертвенныхъ надобностей. Если *турѣ* не подсычено, т.-е. не подслащено свѣжимъ мѣдомъ, то оно кислото на вкусъ, тогда какъ сыта (*шорба*) славава на вкусъ, почему и названа здѣсь нѣсколько неправильно *ширѣ* (вм. *шѣрѣ*) — „сладкая“.

14) *шобакийѣхъ* изъ овсяной муки на меду. Это—пѣчто совѣтъ новое въ числѣ жертвенныхъ приношеній и яствъ. Обыкновенно только по праздникамъ черемисы готовили мелкое печенье на медовой сытѣ (родъ пирожнаго или пряника), а изготовленіе подобнаго хлѣба есть нововведеніе основателя секты; самое слово *шобакийѣхъ* является новостью въ черемисской лексикѣ.

15) *шорба кинде* (читай *кндѣ*). Словомъ *кндѣ* обозначается ржаной хлѣбъ раг excellence, а также и всякое мелкое печенье изъ ржаной муки, какъ въ данномъ случаѣ лепешки на медовой сытѣ. Но здѣсь эти лепешки *пртенья*, какъ и всякое печенье, назначаемое въ жертву, за исключеніемъ ржаного хлѣба. Другой видъ лепешекъ называется: *эерчѣ* (на яйцахъ), *салма кндѣ* (толстыя на маслѣ).

16) *мелма тержѣмъ* буквально значить не „блѣны (па) блюдѣ“, а *блюдныѣ* или *тарелочныѣ блины*; блины пекутся на сковородкѣ, которая повсемѣстно называется *салма*, а подаются на блюдѣ (*теркѣ*), глубиной своей не превосходящемъ обыкновенной глубокой тарелки. По способу подачи на столъ блины и названы здѣсь „тарелочными“ (*тержѣмъ*—прилаг. отъ *теркѣ*, по яранск. говору *теркѣ*). Здѣсь кстати замѣтить, что деревянная посуда, въ которую откладывается и отливается доля для Божества, каждый разъ берется новая, только-что выточенная на станкѣ.

17) *немѣр тержѣмъ*. Вин. пад. *тержѣмъ* зависитъ отъ далѣе стоящаго дѣйств. глагола *пымитѣнѣ*—ставимъ. Выраженіе это буквально значить „кашное блюдо, блюдо съ кашей“; но, строго говоря, *немѣр* (вост.-черем. *нѣмѣр*) не значить „каша“, а пѣчто приближающееся къ киселю, всего вѣрнѣе—размазня изъ мелкой овсяной крупы, отсѣваемой послѣ толченія зерна въ ступѣ. Самое толченіе зерна обыкновенно исполняется женщинами.

18) *киндер-кеи*. Въ такомъ видѣ слово это не имѣетъ никакого смысла: *киндер*, полузабытое старочеремисское слово, значить „копоть“, а *кеи* не имѣетъ значенія; если разбить слово это на два:

кѣндѣ и *срѣди* или *эрѣди*), то получится невразумительное реченіе: *хлѣбъ на волю*. Остается допустить здѣсь опешку, къ сожалѣнію—трудно исправимую, хотя ясно, что рѣчь идетъ о чистомъ (*эрѣ*) ржаномъ хлѣбѣ (*кѣндѣ*), непечатомъ (*тычманѣ*), испеченномъ въ видѣ обыкновеннаго короваля (*сукѣур*).

19) *пытитѣи*—„ставимъ“. Вся фраза построена по-черемиски, а далѣе глаголь повторяется по-русски.

20) *непечатого* (тычманѣ). Принести въ жертву что-нибудь „початое“ не полагается: испробованныя до моленія и возношенія Бо-жеству яства неугодны послѣднему, какъ испорченныя или оскверненныя; кугусортинцы оставили въ полной неприкосновенности требованія древняго языческаго ритуала.

21) *ѣм* и *туварам*. Винит. пад. зависить здѣсь, какъ и выше, отъ стоящаго далѣе глагола *пытитѣна*, хотя употребленный ранѣе глаголь „ставится“ требуетъ имен. пад. *Туварѣ*—по яранскому говору, а обычно *туарѣ*, вост.-черем. *торык*, безъ сомнѣнія есть искаженіе русскаго „творогъ“. Упоминаемая здѣсь твoroжнѣя лепешки—любимое праздничное кушанье всѣхъ черемисъ.

22) *скорoвное*. Странное слово это обязано своимъ происхожденіемъ чисто-черемисской этимологіи: черемисить производить „скорoвный“ отъ „корова“, и для него оно равносильно слову *кoровѣй*.

23) *безъ соли*. Характерно, что у черемисъ вообще все предлагаемое богамъ въ жертву *никогда не солится*; такой же пріемъ усвоили и основатели новой вѣры. По этому поводу невольно напрашивается догадка, не относится ли установленіе жертвенныхъ порядковъ у черемисъ еще къ той отдаленной порѣ, когда они не знали соли (*шепѣсѣл*, *шичѣл*)?

24) *изъ хлѣба*. Здѣсь — неясность, подобная отмѣченной въ вримѣчаніи 17. Очевидно, пишущій хотѣлъ сказать: „мука для хлѣба“.

25) *въ ступкѣ*. Эта ступка (*шур*) дѣлается изъ березоваго дерева, какъ и пестъ (*шуръ бѣндѣ*), но приготовляемая въ ступкѣ мука имѣетъ массу отрубей, изъ коихъ болѣе крупныя идутъ на кашу или размазню (*немѣр*). Въ ступкахъ большинство нашихъ инородцевъ повсемѣстно готовятъ крупу для домашняго обихода, особенно вдали отъ мельницъ. Но нельзя сказать, чтобы это былъ единственный древній черемисскій способъ приготовленія отрубей

и муки; какъ показываютъ находки на старыхъ инородческихъ городищахъ, употреблялся также ручной жерновъ.

26) *изъ березоваго и липоваго дѣрева.* Огонь изъ дерева добывается самымъ примитивнымъ способомъ: черемисы не знаютъ даже смычка, который быстро вращаетъ вертикальную палочку, упирающуюся въ подставку; у кугусортинцевъ одинъ держитъ за концы липовое полѣно, другой быстро водить взадъ и впередъ по этому полѣну четырехграннымъ березовымъ брускомъ. Когда полѣно начнетъ тлѣть, подставляется кусокъ трута, а загорѣвшійся труть кладется въ солому, и уже съ помощью послѣдней разжигаются дрова.

27) *изъ соломы.* Современная практика кугусортинцевъ допускаетъ, кромѣ соломы, употребленіе березовой или липовой стружки. Такъ какъ до манифеста о свободѣ вѣроисповѣданій сектанты рѣдко молились въ рощахъ (это было возможно лишь до ссылки братьевъ Якмановыхъ), а большею частью потаенно—въ избѣ съ закрытыми ставнями, которая расположена была гдѣ-нибудь на пчельникѣ и содержалась въ полной чистотѣ,—то сожиганіе жертвы производилось на печномъ шесткѣ (*комалъ* или *комъ бичейл*).

28) *одними поклонами.* Молитвенная поза кугусортинцевъ не представляетъ ничего новаго: черемисы язычники точно также во время жертвоприношенія стоятъ на ногахъ, въ шапкахъ; точно также большинство молящихся въ роцѣ, памятуя, что они не въ церкви, ограничиваются одними поясными поклонами, но нѣкоторые по забывчивости осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ, а въ Малмыжскомъ уѣздѣ я видалъ и такихъ черемисъ, которые закрывали себѣ ладонями лицо и проводили ими сверху внизъ совершенно по-мусульмански: эти послѣдніе, когда наступалъ моментъ колѣнопреклоненія, не становились на колѣни, какъ хрістіане, а просто садились на подогнутыя подъ себя ноги. Сектанты допускаютъ только поясной поклонъ и колѣнопреклоненіе съ наклономъ головы до земли; молясь, они совсѣмъ не снимаютъ шапокъ или бѣлыхъ войлочныхъ своихъ шляпъ (о чемъ основатель секты не упоминаетъ). Якмановъ пропустилъ самое важное: что совершающій моленіе жрецъ и его помощникъ въ важнѣйшіе моменты молитвы „воздѣваютъ руки“, поднимая ихъ вровень съ головою и обращая ладони въ ту же сторону, куда обращено

лицо. Конечно, сектанты много разъ видали, какъ православный священникъ молится въ алтарѣ съ воздѣтыми руками.

29) *до одного*—„всѣ до единого, до послѣдняго“. Въ данномъ случаѣ видимъ мы полное сходство съ молитвою остальныхъ черемисъ: обыкновенно каждый вполголоса повторяетъ слова произносимой жрецомъ молитвы, а въ моментъ сожиганія жертвы всѣ мысленно стараются высказать Божеству свои завѣтныя желанія и просьбы.

30) *высочайшаго Бога*. Отвергая всѣхъ второстепенныхъ боговъ и богинь черемискаго Олимпа, число которыхъ очень велико, Якмановъ признаетъ одного „Великаго Бога Творца“—*Кулѹ нѹйриш Юмѵ* и его жену, мать его дѣтей, *Кулѹ нѹйриш Юмѵн аважѣ*—„мать-жена Великаго Бога Создателя“. Жена Великаго Бога—персона безъ всякихъ функций. Когда сектантамъ указываютъ на это, они обыкновенно отвѣчаютъ: „у васъ, вѣдь, тоже есть Божія Матерь“. Состоящіе по штату у каждаго изъ главныхъ боговъ пророки (*пямбар*), докладчики черемисскихъ нуждъ (*веднезѣ*) и ангелы-адъютанты, посылаемые богами на землю (*сѹкчѵ*), равно ангелы у второстепенныхъ боговъ признаны также излишними; но ангель хранитель, даруемый каждому черемисину со дня рожденія, постоянно, до самой смерти невидимо сидящій на правомъ плечѣ черемисина (почему и называется *вачѣвал сѹкчѵ*, т.-е. „на плечѣ ангель“), остался по-прежнему хранителемъ кугусортинца.

Старый языческій Олимпъ соблюдалъ въ управленіи человѣчествомъ строгое раздѣленіе труда и наблюденія: всякое занятіе, всякій промыселъ, всѣ явленія природы (вѣтеръ, морозъ, дожди, громъ, молнія), небесныя свѣтила, звѣзды, земля и вода—все управлялось отдѣльными божествами; даже зачатіемъ младенца и формированіемъ его въ утробѣ матери завѣдывала особая богиня. А надъ всѣми этими богами и богинями, гдѣ-то въ невидимой дали лазурнаго неба обиталъ „Великій Богъ“—*Кулѹ нѹйриш Юмѵ* съ женою. Слишкомъ далекъ онъ былъ отъ грѣшной земли, и труденъ былъ къ нему доступъ для молитвы бѣдныхъ черемисъ: если эту молитву принялъ *веднезѣ* Великаго Бога, онъ не можетъ миновать *Канкѵ орѵлѵ* (привратника), „охраняющаго ворота въ усадьбѣ Великаго Бога, а если умилостивленный привратникъ пропустить, нужно входить въ сдѣлку съ состоящимъ при Богѣ „пророкомъ“ (*пямбар*). Однимъ словомъ, доступъ къ

Великому Богу столь же труденъ для черемисской молитвы, какъ самому черемисину трудно, напр., добраться до губернатора.

Только послѣ столь сложной процедуры молитва черемисна язычника достигаетъ наконецъ Великаго Бога, безстрастно возсѣдающаго въ богатой горницѣ, выстроенной среди окруженнаго новымъ высокимъ заборомъ двора, покрытаго богатою растительностью, среди которой пасутся обширныя стада Бога, пополняемая постоянно приносимыми жертвами.

Крупную фигуру Великаго Бога заслонялъ цѣлый штатъ другихъ боговъ, а такъ какъ судьбой каждаго человѣка завѣдывалъ особый „Богъ судьбы“ — *Kavän юмъ* или *Kavä юмъ*, то фигура Великаго Бога, безконечно добраго (*нобръ*) къ людямъ, рисовалась черемисамъ очень туманно: теоретически какъ-будто все должно было быть въ его рукахъ, отъ него зависѣть, но на практикѣ, при совершенномъ раздѣленіи труда, Великій Богъ являлся для черемисъ чѣмъ-то призрачнымъ, крайне неяснымъ, а его функціи сводились почти къ нулю. Полная безпомощность „добраго Великаго Бога“ особенно ясна дѣлалась черемисамъ, когда они сопоставляли ее съ могуществомъ „злобнаго“ (*осаъ*) Кереметя, его младшаго брата: въ то время, какъ Великій Богъ терпѣливо ждалъ обѣщанной жертвы, Кереметю надо было приносить ее безъ замедленія. Всякій другой народъ на мѣстѣ черемисъ, создавъ столь обширный штатъ боговъ, вмѣстѣ съ тѣмъ выработалъ бы и цѣлый рядъ мистическихъ сказаній. Но у черемисъ въ этомъ отношеніи замѣчается поразительная бѣдность.

Подъ вліяніемъ моихъ вопросовъ, черемисскіе жрецы часто сознавались, что имъ самымъ трудно дать себѣ отчетъ въ томъ, какую же, наконецъ, роль играетъ Великій Богъ въ міроуправленіи? Не странно ли, что, молясь напр. о прибыльномъ пчеловодствѣ, черемисинъ долженъ былъ непременно принести жертву „богу пчелъ“ (*моки он*) и его женѣ (*моки авä*), а жертва Великому Богу была при этомъ необязательна; точно также, молясь объ избавленіи отъ градобитія, черемисинъ обращался къ „гремящему, молніеносному богу“ (*Кудурчъ волоний юмъ*), а не къ великому *Кугу Юмъ*... Основатель новой секты глубоко продумалъ всю несообразность такого порядка. Если мы только представимъ себѣ всю сложность и трудность логическаго процесса, какой онъ продѣлалъ, то мы поймемъ, какъ громадна была работа этого недоужин-

наго ума. Безконечное число дней и ночей ушло у отставного гвардейца съ товарищами на продумываніе и взвѣшиваніе всѣхъ песообразностей въ черемисской миеологiи. Но мало было продумать: надо было обосновать солидными аргументами свою новую религіозную систему, предвидѣть всѣ возможныя на первыхъ порахъ возраженія со стороны приверженцевъ „старой Адамовой вѣры“, которые начало кроваваго жертвеннаго культа относятъ къ эпохѣ, близкой къ сотворенію человѣка. Гвардеецъ и здѣсь нашелся, ссылаясь въ бесѣдахъ съ черемисами на грубость древняго человѣчества, а съ другой стороны прототипъ новой своей вѣры Якмановъ видитъ въ безкровномъ жертвоприношеніи Авеля. И я представляю себѣ, что черемисы жадно слушали апостола новой вѣры. Должно быть, рѣчи его были убѣдительны, если число прозелитовъ росло со дня на день, и ко времени ссылки въ Сибирь основателей секты пять волостей съ черемисскимъ населеніемъ уже исповѣдывали новое ученіе, а въ настоящее время въ трехъ смежныхъ уѣздахъ почти половина черемискаго населенія тяготеетъ къ новой сектѣ.

31) *простилъ намъ грѣхи*. Выше, въ примѣч. 9, я указалъ, что черемисы вообще не каялись Богу въ своихъ грѣхахъ. Самое возрѣніе язычествующихъ черемисъ на грѣхъ крайне своеобразно. Грѣхъ незамолимъ: его нельзя покрыть ни кровавыми жертвами, ни свѣчами, ни усердными моленіями,—только дѣла благотворенія и возмѣщеніе нанесеннаго ущерба покрываютъ грѣхъ. Но грѣховными поступки черемисина становятся тогда, когда они наносятъ ущербъ ближнему (отнятіе жизни и имущества, колдовство и порча, присвоеніе путемъ кражи или хитрости, порча чужого добра, непочтеніе къ Богу, къ родителямъ и старшимъ, ложь, зависть и злоба, клевета и ябеда); все же остальное, отражающееся главнымъ образомъ на личности самого согрѣшающаго, напр., пьянство и дурное поведеніе вообще, небрежность въ дѣлахъ и хозяйственная нерадивость,—это будетъ не грѣхъ, а проступокъ, за который виновный наказуется или Богомъ, или презрѣніемъ ближняго.

Кугосортницы значительно расширили списокъ грѣховъ; въ число послѣднихъ внесены: невоздержаніе (отъ вина, чаю, табаку), несоблюденіе чистоты, употребленіе въ пищу нѣкоторыхъ звѣрей и птицъ (о нихъ рѣчь впереди); требованія морали они также

весьма замѣтно повысили; впереди стоитъ заповѣдь о томъ, что всѣ люди-братья, а изъ нея вытекаетъ много такого, что приближаетъ ученіе секты къ христіанству и ставитъ это ученіе недостигаемо выше черемисскаго язычества. Но Якмановъ не рѣшился воспретить добрачную половую свободу: слишкомъ ужъ глубоко лежитъ она въ нравахъ черемисъ и слишкомъ дорожатъ они продолженіемъ рода, во имя котораго дѣвушка можетъ не выходить замужъ, но *должна* имѣть хотя одного ребенка... И кугусортинская дѣвушка въ короткія іюньскія ночи жадно прислушивается къ звукамъ *пуча*—длинной лычной трубы,—которыми паренъ вызываетъ ее на свиданіе. Въ этомъ отношеніи у сектантовъ все осталось по-старому.

32) *отъ всѣхъ несчастныхъ бѣдствій*. Молились объ этомъ черемисы и раньше, до появленія секты *кугу сорта*, но тогда ихъ молитва поневолѣ теряла характеръ цѣльности, разбиваясь по адресу цѣлаго ряда боговъ, сообразно спеціальной функціи каждаго. Величіе Верховнаго Бога теперь значительно выиграло, когда въ лицѣ его соединилась власть надъ *всѣмъ міромъ* и человекомъ, до этого по частямъ распределенная между многими божествами. Можно сказать, что черемисинъ (язычникъ и крещеный, но несвѣдущій въ христіанской вѣрѣ) только теперь началъ отдавать себѣ отчетъ, что такое *всемогущій Богъ*, когда секта отвергла всѣхъ другихъ боговъ, равно перестала признавать Кереметя, который безсилень вредить черемисину, находящему защиту въ великомъ и единомъ Богѣ.

33) *благодаримъ Бога за все прежнее*. Какъ бы ни было неприятно прошлое, кугусортинецъ не жалуется, а благодаритъ за него Бога; точно также онъ прощаетъ и забываетъ причиненныя ему обиды и притѣненія со стороны начальства. Эта незлобивость поражала не только меня, но и всѣхъ, кто соприкасался съ сектантами (Угрюмовъ, Мошковъ, Кобловъ). Только высокимъ подъемомъ религіознаго духа, очищеніемъ помысловъ отъ всего грѣховнаго и широкою любовью къ ближнему можно объяснить подобное явленіе. Намекъ на прежнее время всегда замѣтенъ былъ въ молитвахъ черемисъ. Но, ссылаясь на времена предковъ (*тѣбитъ марі шамыи*), язычникъ отмѣчалъ только, что при предкахъ всего было „изобильно“: хлѣба, скота, звѣрей, денегъ, что предкамъ во всемъ была „удача“; такой же удачи и изобилія

просилъ язычникъ и для себя, по примѣру предковъ, и если желаніе его исполнялось, онъ считалъ, что Богу угодна была жертва, и за нее именно Богъ наградилъ черемисина изобиліемъ. Обратнo, если, напримѣръ, прошеніе объ урожаѣ не исполнялось, какъ въ 1875 и 1879 гг., черемисы приносили болѣе обильныя жертвы, вновь повторяя въ молитвахъ свои желанія. Благодарить за неурожай не приходилось, а нужно было умилостивлять Бога общаніемъ новой жертвы. Словомъ, въ чистомъ язычествѣ черемисинъ какъ бы вступаетъ съ Божествомъ въ сдѣлку: „ты мнѣ, а я тебѣ“, и только немногіе черемисы доходили до болѣе возвышеннаго понятія о Богѣ, какъ Существомъ, дѣйствующемъ по началамъ высшей справедливости, да и то таковыя оказывались преимущественно среди жрецовъ.

Воззрѣнія сектантовъ на Верховнаго Бога значительно облагорожены, а вмѣстѣ съ тѣмъ кугусортинецъ, вручивъ свою судьбу единому Богу, не чувствуетъ себя такимъ растеряннымъ и безпомощнымъ, какъ прежде, когда ему приходилось выбирать заступника и покровителя среди цѣлаго сонма боговъ. Но при этомъ поражаетъ въ сектантствѣ одна черта, которая нечасто встрѣчается даже среди христіанъ: это—полное и всецѣлое подчиненіе себя волѣ Божіей. Оно столь трогательно въ нашъ матеріальный вѣкъ, столь необычно для малокультурной и породческой среды, что невольно переноситъ наблюдателя въ тѣ отдаленныя эпохи, когда человѣкъ умѣлъ еще уходить отъ всего земнаго и сливаться съ Божествомъ. Удивительно, что сектанты, живя въ мірѣ, ведутъ часто полу-аскетическій образъ жизни, а обузданіе своихъ помысловъ и подчиненіе своей воли и поступковъ требованіямъ морали доводятъ до той степени, которая не для всякаго досягаема.

34) *приносимъ моленіе за Царя и за его весь Царскій домъ.* Ранѣе у язычествующихъ черемисъ моленіе за Царя выражалось только тѣмъ, что они просили у Великаго Юмы урожая и изобилія главнымъ образомъ для того, чтобы исправно уплатить подати (*юзакъ*, т.-е. ясакъ). Теперь сектанты внесли еще особое прошеніе о дарованіи Государю (*ош куужай*—„бѣлый Царь“) здравія и долгоденствія, равно и всей его семьѣ.

35) *за все воинство.* Молитва за все воинство, сколько знаю, читалась на моленіи только однажды—въ 1881 г., когда вскорѣ послѣ кончины Императора Александра II, духовный глава чере-

мисль видѣль сонъ, будто турки вновь собираются восвать съ нами. Кугусортинцы внесли разъ навсегда въ молитву прошеніе о дарованіи воинству русскаго „бѣлаго Царя“ побѣды и постоянно читають его на моленіяхъ; въ этомъ случаѣ невольно сказался въ основателѣ секты солдатъ, бывшій гвардеецъ.

36) *начальство и добрыхъ людей.* Ничего подобнаго не знало черемисское язычество. Да и трудно было язычествующимъ черемисамъ молиться за начальство духовное и свѣтское, которое причиняло имъ много безпокойства, стѣсня въ дѣлахъ вѣры и облагая часто незаконными поборами; ряса миссіонера и форменная фуражка были одинаково страшны язычнику и придерживающемуся старинны крещеному черемисину. Постоянныя гоненія на черемисъ вызвали у послѣднихъ не молитву за притѣснителей, а оригинальную вставку въ молитву, въ которой они просятъ обыкновенно объ избавленіи отъ злодѣевъ дневныхъ и ночныхъ; черемисы прибавили сюда специальное прошеніе объ избавленіи „отъ мошенника-исправника, отъ мошенника-попа и отъ всякаго мошенника-чиповника“. Это показываетъ, какъ мало породецъ до вѣрялъ начальству. У кугусортинцевъ итъ въ молитвѣ этой оскорбительной для русскаго вставки, и они молятся не только за всѣхъ участниковъ безкровнаго жертвоприношенія, но и „за все вообще начальство и всѣхъ добрыхъ людей“. Мы видимъ отсюда, насколько любовь къ ближнему беретъ перевѣсъ у сектанта надъ всѣми другими чувствами. А, казалось бы, достаточно было одной административной высылки въ Сибирь, чтобы надолго могло сохраниться у основателя секты недоувѣріе и злоба къ начальству...

37) *за всѣхъ умершихъ.* Молитвы за умершихъ читаются у язычниковъ только на поминкахъ; обращенная къ главѣ загробнаго міра, молитва не просить о прощеніи грѣховъ умершихъ и объ улучшеніи ихъ участи; это послѣднее если и возможно, то не навсегда, а только на время, подъ вліяніемъ жертвъ, приносимыхъ владыкѣ загробнаго міра: онъ можетъ лишь на время отпускать души умершихъ на землю. Но чтобы хотя ненадолго освѣтить темный загробный міръ и доставить нѣкоторое удовольствіе для грѣшниковъ, продолжающихъ сохранять чисто земныя потребности, живые родственники должны предлагать имъ время отъ времени трапезу и ставить восковыя свѣчки. Сектанты хотѣли бы реорганизовать и эту сторону черемисскихъ вѣрованій, но у нихъ какъ-буд-

то не хватило умѣнья. Хотя Якмановъ и говорить въ своемъ исповѣданіи, что сектанты молятся, чтобы умершіе

38) *уготавли* (читай „себѣ, т.-е. удостоились“) *Царствіе Небесное*, по этого „царствія“ кугусортинцы даже и приблизительно себѣ не представляютъ: они свели молитву, подобно язычникамъ, къ тому, чтобы Великій Богъ дозволилъ „ходить умершимъ при свѣтломъ солнцѣ“, а не во мракѣ. У нихъ нѣтъ рѣчи о томъ, чтобы души умершихъ находились ближе къ Богу и наслаждались созерцаніемъ его величія: это кажется имъ еще кощунствомъ. Но такъ какъ въ послѣднее время среди черемисъ усердно распространяется переводъ апокрифическаго „Хожденія св. Θεодоры по мытарствамъ“, то очень можетъ быть, что они выработаютъ себѣ болѣе детальное представленіе о загробной участи и о блаженствѣ въ царствѣ небесномъ. Но въ данное время сектанты, отбросивъ старочеремисское воззрѣніе на загробный міръ, какъ блѣдную копію настоящаго, гдѣ умершіе продолжаютъ жить по-земному, отказываются нарисовать картину загробнаго быта. Любопытно, надолго ли сохранятся такое воззрѣніе.

39) *въ пищу никогда не употребляемъ*. Якмановъ могъ это сказать только про себя и про своихъ первыхъ, наиболѣе экзальтированныхъ прозелитовъ. Приводя перечень всего неупотребляемаго въ пищу, основатель секты смѣшиваетъ иной разъ въ своемъ изложеніи употребляемое съ неупотребляемымъ, дозволенное съ запрещеннымъ, какъ это мы сейчасъ увидимъ.

40) *свинину*. Свиной (*сѣснѣ*) черемисы вообще разводять мало, ибо онѣ причиняютъ много хлопотъ: ломаютъ изгородь, портятъ выгоны и непригодны для жертвы богамъ. Кугусортинцы еще потому чувствуютъ отвращеніе къ свиной, что она питается всякою мерзостью. Язычники избѣгаютъ приносить свиной въ жертву даже Кереметю: никому не нравится это грязное животное... Но вообще черемисы, язычники и крещеные, довольно неразборчивы въ пищѣ. Случалось видать, что они употребляютъ въ пищу вареную сороку, лисицу, бурундука. Это чаще наблюдается на лѣвобережьи р. Вятки, въ Малмыжскомъ уѣздѣ.

41) *кобылятину*. Конина издревле употреблялась въ пищу всеми нашими инородцами; на рынкахъ сѣверной Россіи лошадиное мясо продавалось наряду съ зайчиной, бѣлкой и бобровиной еще въ XV в. Татары колютъ только старыхъ лошадей, а жеребятъ-

ми лакомятся болѣе богатые. За послѣднее 25-лѣтіе лошадиное мясо черемисы ѣли только при большихъ моленіяхъ и на богатыхъ поминкахъ; но для этихъ цѣлей закалывалось обыкновенно животное не старше 1½, много 2 лѣтъ. Отвычка отъ конины производила то, что многіе объѣдались ею па моленіяхъ. Когда начиналась острая боль въ желудкѣ, объѣвшагося отхаживали тѣмъ, что или катали по землѣ, старательно при этомъ растирая животъ, или гоняли до полного изнеможенія, какъ лошадь на кордѣ, по полянѣ, подстѣгивая прутьями. При каждомъ большомъ моленіи возможны случаи смерти отъ объяденія: умираютъ не только бѣдняки, давно не видавшіе мяса, но и люди богатые, какъ ревнитель древняго язычества Александръ изъ дер. Тамшинери (около 1903 г.). Памятуя такіе случаи, Якмаповъ устранилъ конину (*іліи́ шыл*) совершенно.

42) *медведя*. Теперь медвѣдь (*маскй*) составляетъ рѣдкость на черемисской территоріи; въ языческихъ молитвахъ черемисъ оупоминается наряду то со звѣрями, вредящими домашнему скоту, то въ числѣ промысловыхъ звѣрей. Но лѣтъ 60 тому назадъ медвѣдя было еще много и за нимъ охотились; такъ напр., верховный жрецъ черемисъ *Токтай*, умершій около 1900 г., много разъ ходилъ на медвѣдя съ рогатиной (*маска́ ѳидѳ*). Охота производилась на этого хищника главнымъ образомъ ради шкуры, а въ пищу употреблялось далеко не все мясо, но только голова, лапы и окорока; сало извлекалось для хозяйственныхъ и лѣчебныхъ надобностей.

43) *зайца и бѣлку*. Эти грызуны всегда употреблялись черемисами въ пищу и приносились въ жертву кереметямъ. Но такъ какъ основатель секты довольно строго провелъ неупотребленіе въ пищу всѣхъ звѣрей, равно животныхъ и птицъ, которыхъ черемисы не разводятъ сами, то онъ поступилъ совершенно логически, возбранивъ употребленіе мяса зайца (*мерян*) и бѣлки (*ур*); въ то же время черемисская бѣднота, примкнувъ къ сектѣ лишается существеннаго пищевого подпорья при скудномъ и породческомъ хозяйствѣ. Остается одно: нарушать иногда кугусортинскую заповѣдь, а потомъ приносить Богу покаяніе; такъ большинство по нуждѣ и дѣлаетъ въ послѣднее время.

44—46) *курица и яйца*. Здѣсь мысль выражена такъ, какъ-будто куры и куринныя яйца не употребляются въ пищу, паравнѣ

„съ прочими лѣсными птицами“. Но курица—птица домашняя, а не лѣсная, какъ тетеревъ, рябчикъ, куропатка. Кугусортинцы употребляютъ въ пищу куръ (*чибѣй*) и яйца (*муидѣ*); глава уржумскихъ кугусортинцевъ, угощая меня чаемъ, велѣлъ мнѣ подать сваренныхъ всмятку курныхъ яицъ и огурцовъ съ медомъ, и ѣлъ при мнѣ яйца. Мнѣ разрѣшено было курить; мало того, я послалъ за бутылкой водки и угощалъ собравшихся ко мнѣ черемисъ, не принадлежащихъ къ сектантамъ. Это показываетъ, насколько велика терпимость сектантовъ и какъ они снисходительны къ людскимъ слабостямъ.

47) *капусту*. Какъ увидимъ ниже, огородныя овощи не изгоняются изъ кулнарнаго черемисскаго обихода, и дѣло не ограничивается одной капустой (*кобытитѣ*).

48) *остальное не употребляемъ*. Къ „остальному“ относятся: огурцы (*кѣр*), рѣдька (*кѣчѣ ушмѣн*), картофель (*парѣтѣ*), свекла (*йошкѣр ушмѣн*), горохъ (*пурсѣ*), бобы (*нѣмыч пурсѣ*), лукъ (*шодѣч*), морковь (*кѣшѣур, мѣрокѣ*), рѣпа (*ырѣвѣ*), брюква (*шѣрѣ ушмѣн*). Все это, наряду съ подсолнухами (*кѣчѣ шѣдо*), я видѣлъ во всѣхъ сектантскихъ огородахъ (*пакѣд*). Примиришь такое явное противорѣчіе дѣйствительности съ завѣтомъ основателя секты крайне трудно; но такъ какъ дѣти сектантовъ до извѣстнаго возраста свободны отъ всѣхъ строгостей кугусортинскаго устава, то вѣрнѣе всего—какъ бы для нихъ разводятся эти овощи. Въ то же время взрослые, оправдывая себя грѣховностью и слабостью человѣческой природы, часто погрѣшаютъ, употребляя въ пищу овощи. Такимъ образомъ, не погрѣшая противъ завѣтовъ Якманова, сектанты могутъ употреблять въ пищу только капусту, баранну (*таѣ шѣл*) и говядину или коровье мясо (*ѣшкѣл шѣл*).

49) *виши никакія не пьемъ*. Это совершенно вѣрно; даже кумышка, черемисская водка самосѣдка, совершенно устранена изъ домашняго и жертвеннаго обихода. Но такъ какъ человѣку трудно обойтись безъ возбуждающихъ напитковъ, то основатель секты оставилъ медовщину (*пурѣ*), которая, по своимъ опьяняющимъ свойствамъ, значительно сильнѣе водки и кумышки, но употребляется она въ малыхъ дозахъ и не чаще одного раза въ недѣлю, поэтому сектантовъ нужно считать людьми безусловно трезвыми. Число сектантовъ значительно бы возросло, если бы Якмановъ не возбранялъ употребленіе водки; такъ какъ

отстать отъ водки очень трудно, то для многихъ, сочувствующихъ сектѣ, фактическое вступленіе въ послѣднюю затягивается на цѣлыя годы. Я знаю семьи, женская половина которыхъ давно примкнула къ сектѣ, а взрослые мужчины, при всей симпатіи къ ней, не могутъ этого сдѣлать, не въ состояніи будучи отказаться отъ водки и табаку.

50) *чаю тоже*. Братья Якмановы и всѣ живущіе съ ними въ Царевokokшайскѣ чаю дѣйствительно не пьютъ; но это—подвижники и люди не отъ міра сего. Остальная масса сектантовъ слишкомъ слаба, чтобы довести свою ѣду и питье до того минимума, который установилъ основатель секты. Легко себѣ представить, къ чему свелось бы питаніе черемисъ, если бы всѣ сектанты употребляли изъ овощей *только капусту* и не пили чаю! За послѣдніе сорокъ лѣтъ употребленіе чая страшно возрасло: черемисинъ, какъ и русскій, чаепитіемъ, вмѣсто завтрака, начиняетъ день, пьетъ чай съ хлѣбомъ вмѣсто обѣда и чаемъ же, вмѣсто ужина, заканчиваетъ. Отнять у него теперь чай, котораго черемисы не знали два поколѣнія тому назадъ, значить—обречь его на голоданіе. Поэтому чай остается напиткомъ допустимымъ у большинства кугусортинцевъ; онъ допускается наравнѣ съ употребленіемъ рыбы (*кел*)—„ради слабости человѣческой“.

51) *табакъ не куримъ и не нюхаемъ*. Табакъ извѣстенъ нашимъ инородцамъ со второй половины XVII вѣка. Обыкновенно курятъ не только мужчины, но и женщины, а нюхаютъ главнымъ образомъ при болѣзняхъ глазъ и головы. Когда табаку нѣтъ, черемисы крошатъ, какъ крупку, старые прокуренные чубуки, мохъ или трутъ и курятъ. Особенно часто начинаютъ съ этихъ суррогатовъ свое куренье молодежь. Наряду съ запретомъ употреблять водку, устраниеніе табаку (*томан*) составляетъ самое тягостное лишеніе для черемисъ и для многихъ изъ нихъ, симпатизирующихъ сектѣ, является трудно-одолимымъ препятствіемъ.

52) *кровопролитіе*. Якмановъ разумѣетъ, здѣсь кровавыя жертвы, начало которыхъ относится у черемисъ, какъ и у всѣхъ народовъ, ко временамъ отдаленнѣйшей древности, вѣрнѣе всего—ко временамъ кочевого быта. Появленіе земледѣлія не уничтожило кровавыхъ жертвъ, а только внесло въ жертвенный ритуаль нѣкоторое дополненіе и разнообразіе. Со времени покоренія Казани (1552), духовенство сильно боролось съ кровавыми жертвами, и

то, чего не могли русскія власти уничтожить въ три съ половиною вѣка, братья Якмановы уничтожили въ нѣсколько лѣтъ... Это показываетъ, какъ сильно дѣйствуетъ новая вѣра на массу.

Кончая комментарий на кугусортинское исповѣданіе вѣры, не могу умолчать въ заключеніе, что возведенное Якмановымъ зданіе новой вѣры выглядит неуклюже, сложено изъ разнороднаго матеріала, кой-гдѣ какъ будто недостроено. Но это зданіе такъ крѣпко связано цементомъ глубокой вѣры, разведеннымъ на широкой любви къ человѣчеству, что оно обѣщаетъ быть долговѣчнымъ...

ГЛАВА III.

Географическій очеркъ родины новой вѣры. Экономическій бытъ, костюмъ и языкъ мѣстнаго населенія. Инородческіе приходы и духовенство. Обрученіе. Праздничная картинка. Новая вѣра послѣ Казанской выставки. Быстрое распространеніе секты. Отказъ духовенству въ ругѣ. Притѣсненіе сектантовъ. Административная ссылка въ Сибирь основателей секты. Житіе въ Сибири: полевная работа, изготовленіе валенокъ и дѣрвянкой посуды. Моленія сектантовъ. Первые извѣстія о нихъ въ сибирской печати. Манifestъ 14 мая 1906 г. и возвращеніе сектантовъ на родину. Выселеніе въ Царевококшайскъ. Какъ сектанты устроились на новомъ мѣстѣ. Отношеніе братьевъ Якмановыхъ къ сектантамъ.

Съ Казанской научно-промышленной выставки 1890 г. перенесенъ теперь въ дебри родной для меня Вятской губ., именно въ тотъ Ю.-З. уголь ея, гдѣ лежитъ Яранскій уѣздъ, сѣвернымъ краемъ соприкасающійся съ Варнавинскимъ у. Костромской губ. западнымъ—съ Макарьевскимъ у. Нижегородской губ., а южнымъ краемъ—съ Царевококшайскимъ у. Казанской губ. Край этотъ еще изобилуетъ дарами природы: здѣсь довольно еще лѣсовъ, а обильная водой рѣчки и ручьи текутъ по всѣмъ направленіямъ, входя въ составъ рѣчныхъ системъ Малой и Большой Кокшаги (*Ижъ Кокшай, Кушъ Кокшай*), Кундыша и Рутки (*Рудэ*), впадающихъ въ Волгу. Въ рѣкахъ довольно рыбы, въ лѣсахъ еще водятся промысловые птицы и звѣри, а рѣчныя поймы даютъ много сѣна и доставляютъ возможность вести порядочное скотоводство. Близость огромныхъ лѣсныхъ площадей даетъ населенію возможность заниматься заготовкой лѣса, который сплавляется на Волгу. На-

селеніе здѣсь главнымъ образомъ черемисское, живущее въ достаткѣ, зачастую имѣющее запасныя кладухи хлѣба и не знающее еще земельного утѣсненія.

Это населеніе передвинулось сюда въ отдаленныя времена, во всякомъ случаѣ не позднѣе X, много XI вѣка по Р. Х., изъ древней Мерянской территоріи; здѣшній черемисскій языкъ занимаетъ средину между горночеремисскимъ и луговымъ нарѣчіемъ, образуя так. наз. яранскій говоръ. По костюму, главнымъ образомъ женскому головному убору (*сорока*), съ широкимъ лопатовиднымъ верхомъ, здѣшніе черемисы примыкаютъ къ черемисамъ царевкокшайскимъ. Благодаря лопатовидной сорокѣ, русскіе называютъ „черемисской лопаткой“ не только женщину, но и мужчину черемисина.

Села встрѣчаются здѣсь довольно рѣдко; приходы поражаютъ своей величиной, а матеріальный бытъ мѣстнаго духовенства отличается полнымъ довольствомъ, не оставляя желать ничего лучшаго, не смотря на то, что приходы часто на $\frac{9}{10}$, а иногда и сплошь состоятъ изъ черемисъ. Язычество было сильно здѣсь еще во второй половинѣ минувшаго столѣтія, миссіонерская же дѣятельность была въ зачаточномъ состояніи. Въ этомъ краю сохранилось довольно много остатковъ древняго язычества, въ видѣ языческихъ рощей, и только нѣкоторыя изъ нихъ, напр. Юманурская, жалкими остатками которой любовался въ 1904 г. еп. Никонъ, уничтожены довольно варварскимъ способомъ.

Какъ и вездѣ, гдѣ виѣдрилось русское населеніе, черемисы находятъ здѣсь въ разныхъ степеняхъ обрусѣнія; послѣднео всего больше сказалось въ крупныхъ селахъ. Тутъ встрѣчаются черемисы, порвавшіе уже всякую духовную связь съ своимъ племенемъ.

Въ селѣ праздникъ... Вотъ по широкой улицѣ двигается кучка черемисской молодежи: картузы на затылкѣ, сапоги со сборами. Впереди всѣхъ идетъ франтъ въ пиджакѣ, надѣтомъ поверхъ расшитой черемисской рубахи; это—сынъ мѣстнаго богатѣя-черемисина и церковнаго старосты. Нещадно растягивая свою гармошку, онъ орётъ во все горло модную частушку:

Кабы мать-та не „лопатка“,
Я бы русскую любилъ...

Но въ томъ-то и бѣда, что у этого молодца мать носить еще на

головѣ черемисскую сороку. Ну, а русская дѣвушка не соблазнится женихомъ изъ такой семьи.

Въ то же время гдѣ-нибудь на заваленкѣ сидитъ толпа молодежи обоего пола, одѣтая во все бѣлое, и негромко поетъ не то заунывную пѣсню, не то какой-то духовный стихъ.

Грѣшный мы, поддымный ¹⁾ народъ...
 Куда и на что мы годимся?
 Слабы мы стали во всемъ,
 И на одного Великаго Бога-Создателя
 Остается намъ надѣяться...

Что это за страшная пѣсня? почему раздается этотъ похоронный мотивъ въ праздничное время, когда все зоветъ молодежь къ веселью?

Причина будетъ понятна, если я скажу, что мы находимся въ селѣ *Ертурь*, подлѣ котораго суждено было народиться новой черемисской вѣрѣ *куш сорти*.

Это покотъ сектанты...

Выставка предметовъ кугусортинскаго культа возбудила нѣкоторое вниманіе, а выставочный комитетъ присудилъ даже старшему Якманову почетный отзывъ. Вернувшись къ себѣ на родину съ такою важною бумагой, въ заголовкѣ которой стоялъ двухглавый орелъ, братья начали дѣйствовать нѣсколько смѣлѣе. И до выставки свѣтское и духовное начальство давно уже—цѣлыхъ десять лѣтъ—знало, что братья придумали какую-то новую вѣру, но такъ какъ они были люди трезвые, во всемъ исправные, то на нихъ и не обращали вниманія. Можетъ быть, все шло бы спокойно и дальше, да на бѣду секта успѣла сильно распространиться среди крещеныхъ черемисъ Юкшумской, Ихтіяльской, Великорѣченской, Ернурской и Кодамской волостей ²⁾; она укоренилась въ разныхъ мѣстностяхъ, особенно же въ с. *Покровскомъ—Упша* (Спис. нас. м. № 16865) и въ трехъ селеніяхъ: *Керда* Яндушевская (№ 16869),

¹⁾ Т.-е. выросшій въ дыму курной пзбы (безъ трубы, съ глинобитной печью).

²⁾ *Можковъ* пазываетъ волости: Юкшанскую (такой нѣтъ), Великорѣченскую, Ернурскую и Кодамскую, а изъ селеній: дер. Упша, Большой Ершъ, Керду и несуществующую Яштуроду. Мы приводимъ №№ селеній по „Списку населенныхъ мѣстъ Вятской губ.“ Спб. 1876.

Громшой Ериш (черем. *Оръши* № 17209) и с. *Ериурз* (№ 16949). На моленія въ рощѣ теперь стекалось уже отъ двухъ до трехъ сотъ чело- вѣкъ. Это начало вызывать вниманіе властей. Неожиданно нашлись довольно усердные приверженцы новой вѣры, которые наотрѣзъ отказались платить духовенству ругу и принимать его съ тре- бами.

Это не былъ бунтъ противъ духовенства, хотя оно, по сло- вамъ Якманова, „драло съ нихъ здорово“, и никому не было на- несено оскорбленія не только дѣйствіемъ, но и словомъ, потому что иначе не обошлось бы безъ суда. Былъ только рѣшительный отказъ отъ притязаній духовенства, и больше ничего. Но до сихъ поръ еще рассказываютъ, что будто одинъ изъ Якмановыхъ, получившій на выставкѣ похвальный листъ, вывѣсилъ его въ рамкѣ за стекломъ надъ воротами, а другой просверлилъ дырку въ по- лученной имъ серебряной медали (которой ему никто не давалъ), надѣлъ ее на шею, и оба, указывая на царскую награду за изоб- рѣтеніе новой вѣры, встрѣчали оглоблями всякое начальство, являвшееся къ нимъ. Но это—злостная сплетня, не больше.

Тѣмъ не менѣе дѣло было испорчено. Пошли допросы со стороны духовенства, и начались всевозможныя придирки. По настоянію вятскаго архіерея, губернаторъ предложилъ чрезъ земскаго началь- ника, чтобы сельское общество дало приговоръ объ административной высылкѣ братьевъ Якмановыхъ въ Сибирь, безъ всякаго суда. Дѣло долго не налаживалось, потому что односельчане Як- мановыхъ ничего не имѣли противъ нихъ, ничего дурного за ни- ми не обрѣталось, и даже самъ земскій начальникъ принялъ сторону братьевъ.

Началась довольно длинная канцелярская волокита, на цѣ- лыхъ два года. Вожакъ былъ отданъ подъ особый надзоръ, и къ каждому изъ нихъ приставленъ особый „опекунъ“, который слѣдилъ за всякимъ шагомъ сектанта: безъ разрѣшенія опекуна нельзя было никуда отлучиться изъ селенія, хотя бы на мельницу или на пчельникъ. Случалось и такъ, что нужно одному изъ Якмановыхъ ѣхать на мельницу, а опекунъ не пускаетъ: „ступай, гово- рить, на пчельникъ!“.

Кончилось все тѣмъ, что лѣтомъ 1893 г. братья Якмановы и съ ними еще шесть апостоловъ новой вѣры, согласно опредѣ- ленію Вятскаго губернскаго присутствія, были высланы безъ суда

въ Сибирь на поселеніе: четверо (въ томъ числѣ оба брата Якимовы) попали въ Маріинскій округъ Томской губ., а другіе четверо—въ Ишимскій округъ Тобольской губ.

Братья безъ всякой злобы, совершенно благодушно рассказываютъ о своей ссылкѣ. Въ Сибирь пришли они въ самый разгаръ жатвы и въ качествѣ жнецовъ зашибли конейку. Когда страда окончилась и наступила длинная сибирская осень, то каждый принялся за то, что умѣлъ: двое катали валенки, одинъ дѣлалъ кадки и бочки, а четвертый точилъ на станкѣ деревянныя чашки. Всему этому былъ, хорошій сбытъ, такъ какъ старожилы сибиряки производствомъ подобныхъ издѣлій занимаются очень рѣдко, а предпочитаютъ пріобрѣтать у новоселовъ; даже деревянные ложки до конца 80-хъ годовъ привозились въ Сибирь изъ Вятки. Изготовление чашекъ оказалось самымъ прибыльнымъ дѣломъ, и понемногу все обучились этому ремеслу. Черезъ годъ началась постройка Средне-Сибирской желѣзной дороги, и ссыльные сектанты нанялись поденщиками у подрядчика по земляной части, инженера *Бонди*. Поденщина была высокая, и трезвые сектанты заработали порядочныя деньги.

Положеніе братьевъ сдѣлалось теперь настолько сносно, что они возобновили свои моленія. Совершаемая открыто, подъ сѣнью сибирскихъ березъ, моленія эти возбуждали вниманіе сибиряковъ и желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Обратилъ на нихъ вниманіе также жившій въ Маріинскѣ сотрудникъ газеты „Сибирскій Вѣстникъ“ (фактическимъ редакторомъ котораго состоялъ въ то время я)—*Угломовъ* и далъ объ нихъ, по моей просьбѣ, замѣтку для газеты, которую перепечаталъ потомъ въ „Тобольскихъ Губ. Вѣдомостяхъ“; эта статья вызвала большія симпатіи къ ссыльнымъ братьямъ со стороны сибирской публики. Одно огорчало нашихъ ссыльныхъ, что въ послѣдній годъ ссылки умеръ ихъ товарищъ-токарь, ревностный кугусортинецъ:

Въ 1896 г., по случаю коронаціи 14 мая, вышелъ манифестъ объ освобожденіи нѣкоторыхъ категорій административныхъ ссыльныхъ. Сектанты подали прошеніе томскому губернатору (теперь сенаторъ) Г. А. Тобизену и получили билетъ на свободное возвращеніе въ Россію, но безъ права проживать въ своемъ родномъ Яранскомъ уѣздѣ.

Вернулись ссыльные въ Вятскую губ. и прежде всего, конечно,

прямо съ пароходной пристани отправились домой, гдѣ оставались ихъ семьи, гдѣ у всѣхъ еще сохранялись избы и хозяйство, потому что имъ некуда было больше идти. Разойдясь по роднымъ селеніямъ, спокойно прожили сектанты въ кругу своихъ семей около двухъ мѣсяцевъ, принялись было уже устраивать домашнія моленія, но... узнало объ нихъ духовенство и донесло, куда слѣдуетъ. Пришлось высидѣть сектантамъ четыре дня подъ арестомъ, за переходъ заповѣдной границы, а потомъ этапнымъ порядкомъ препроводили ихъ въ сосѣдній городъ Царевококшайскъ, Казанской губ.

Попавши въ совсѣмъ неподходящую обстановку уѣзднаго города и не имѣя, гдѣ приклонить голову, сектанты поселились въ лачугѣ на окраинѣ города и кое-какъ перебивались нѣкоторое время. Не находя почти никакого заработка, упросили они мѣстнаго исправника, чтобы онъ позволилъ имъ жить въ дер. *Ошла-мучаки* (№ 2121) ¹⁾ Арванской волости, Царевококшайскаго у.: это было и за предѣлами Яранскаго у., и всего въ какихъ-нибудь пяти верстахъ отъ родной деревушки братьевъ Якмановыхъ. Имъ разрѣшили; но не успѣли они прожить здѣсь и двухъ мѣсяцевъ, изрѣдка видаясь со своими родными, какъ ихъ потребовали въ волостное правленіе. Тамъ ожидалъ ихъ царевкокшайскій исправникъ и объявилъ, что имъ слѣдуетъ опять переѣхать въ Царевококшайскъ, такъ какъ яранское духовенство не желаетъ, чтобы они жили такъ близко отъ своей родины. Сектанты вынуждены были окончательно переселиться въ Царевококшайскъ, и уже оттуда никуда больше не отлучались. Только одинъ изъ нихъ пытался было наниматься въ сторожа на мельницу въ дер. *Нужьяла* (№ 2336, на р. Манагѣ) ²⁾, Арванской вол. Прожилъ онъ тутъ недѣли три. Вдругъ ночью пріѣхалъ какъ-то разъ урядникъ изъ Яранскаго у. на мельницу; узнавъ, что здѣсь живетъ бывший ссыльный, онъ постучался къ нему, посмотрѣлъ на него, не говоря ни слова, и уѣхалъ. Скоро изъ Яранска пришла бумага въ Царевококшайскъ; сектанта вернули изъ Нужьяла и водворили вмѣстѣ съ другими.

1) А не *Ошлал Чакша*, какъ пишетъ Мошковъ. №№ приведенныя по „Списку насел. мѣсть Казанск. губ“. Спб. 1866.

2) Но не въ селѣ *Кужьялазъ*, какъ пишетъ Мошковъ.

Съ тѣхъ поръ кугусортницы окончательно поселились: бывшіе въ ссылкѣ въ Мариинскомъ округѣ—въ Царевококшайскѣ, а ишимскіе ссыльные—въ ближайшей дер. Варакинѣ, выписали своихъ женъ, семьи и зажили съ грѣхомъ пополамъ. На родинѣ имъ пришлось продать все за безцѣнокъ, а землю передать обществу безвозмездно и обратиться изъ людей зажиточныхъ въ бобылей, у которыхъ нѣтъ ни кола, ни двора. Братья Якмановы, какъ болѣе зажиточные, завели въ городѣ небольшую бакалейную торговлю, но она шла очень плохо, и только въ базарные дни (два раза въ недѣлю) можно было кое-что выручить. Нужда заставила апостоловъ новой вѣры прибѣгать къ постороннимъ заработкамъ: одинъ сдѣлался стекольщикомъ, другой нанялся въ ночные караульщики, а третій вѣсть веревки. Братья только въ послѣдніе годы стали выѣзжать на базары въ ближайшія селенія: Шой-булакъ, Пуяль, Шалы, Апашево и село Ронгу.

Понемногу сектанты устроились въ Царевококшайскѣ. И жили бы имъ тутъ совсѣмъ недурно, потому что мѣстное населеніе очень скоро оцѣнило ихъ, какъ людей честныхъ, трезвыхъ и работающихъ, хотя нерѣдко подшучиваетъ надъ ними, называя ихъ „бѣлыми голубями“; но бѣда въ томъ, что вплоть до 1905 г. (да вѣроятно и теперь еще) они нигдѣ не были приписаны, а жили по паспортамъ, получаемымъ изъ Сибири, которые для нихъ ежегодно выписываетъ мѣстный исправникъ.

Одно время сектанты пытались приписаться къ царевкокшайскому мѣщанскому обществу. Все было налажено: городской голова изъявилъ согласіе, мѣщанскій староста тоже, и самъ исправникъ смотрѣлъ на это благосклонно, но... яранское духовенство написало по этому поводу куда слѣдуетъ, и ходатайство сектантовъ было отклонено. Приписка къ ближайшимъ сельскимъ обществамъ также не удалась, потому что сектантамъ надо было отвести земельный надѣлъ, а въ землѣ не всегда встрѣчается избытокъ; кромѣ того нельзя было и думать о припискѣ къ какой-нибудь инородческой деревнѣ, потому что духовное начальство опасалось ихъ вліянія на единоплеменниковъ.

И живутъ сектанты совершенно особнякомъ, рѣдко сообщаясь со своими единоплеменниками; но сношенія все таки бываютъ, хотя руководить постоянно приверженцами своей секты братья Якмановы уже не могутъ; поэтому ихъ мѣсто болѣе или менѣе

давно заступили другіе вожаки: изъ нихъ одинъ живетъ близъ с. *Ерниуръ*, Яранскаго у., другой—около с. *Серниуръ*, Уржумскаго у., третій—около с. *Новый Торъяль*. Но уваженіе къ братьямъ Якмановымъ замѣтно во всей обширной области распространенія секты *кугу сорта*.

Перейдемъ теперь къ кугусортинскому жертвенному ритуалу.

ГЛАВА IV.

Сектанство въ первые годы существованія. Взвѣсія и впутрвія реформы, произведенныя Якмановымъ въ старомъ язычествѣ. Новыя роши (*куэря*); береза и липа—священныя деревья. Истинный востокъ. Устройство жертвеннаго стола. Виды жертвъ; большая свѣча. Распорядитель моленія; его костюмъ. Группировка молящихся по поламъ. Живой огонь и жертвенный костеръ. Молитва въ три приѣма. Сожиганіе жертвы Божеству. Жертвенная трапеза. Перечень важѣйшихъ молевій сектантовъ.

Какъ я выше замѣтилъ, первоначально секта отправляла свои богослуженія совершенно открыто. Такъ какъ въ ту пору, съ 1880 г. вплоть до самой Казанской выставки, не было никакихъ преслѣдованій противъ сектантовъ, то они совершали свои моленія въ священныхъ рощахъ, по внѣшнему виду мало чѣмъ отличающихся отъ тѣхъ языческихъ „божскихъ рощей“ (*Юмюи оѣтѣ*), гдѣ производились кровавыя жертвоприношенія. Но кугусортинцы тщательно избѣгали старыхъ языческихъ рощей, какъ оскверненныхъ; по ихъ мнѣнію, пролитіемъ жертвенной крови; они выбирали въ лѣсу новыя, „чистыя“ мѣста для своихъ жертвоприношеній, которыя огораживали высокой загородкой съ воротами. Посрединѣ рощи устраивалась площадка (если только не находилось таковой въ натурѣ), съ такимъ расчетомъ, чтобы на востоко-юго-восточномъ краю этой площадки, т.-е. въ той сторонѣ, гдѣ восходитъ солнце большую часть года—а эта сторона, по мнѣнію Якманова, и есть истинный востокъ (черем. *кѣчѣ лѣкманш*)—находилось два дерева: береза (*куэ*) и липа (*листѣ*). Только эти два дерева кугусортинцы считаютъ священными, способными привлечь Божество во время моленія, но береза ставится выше липы и посвящена самому Великому Богу, а липа—его женѣ.

Такія роцн получили новое названіе—*куэрлн* *). На моленія народъ собирався (да и теперь собирается, гдѣ это возможно) по звуку барабана, замѣняющаго колокольный звонъ. Передъ священными деревьями устривается жертвенникъ, укрѣпленный на четырехъ березовыхъ столбахъ, съ частыми перекладинами (числомъ 7 или 9) изъ тонкихъ березокъ, поверхъ которыхъ густо накладываются березовыя вѣтки, а сверху все это накрывается пенъковой бѣлой скатертью. За жертвенникомъ сохранилось старое языческое названіе „престола“ (*ианги*).

На жертвенникъ въ извѣстномъ порядкѣ полагаются два хлѣба—обыкновенный ржаной (*уржа индѣ*) и овсяный на меду (*шобакшайа*), медовая брага (*пурѣ*), свѣжая медовая сыта (*шорба*), коровье масло (*шкал ѳ*), творожные сырчики (*туарѣ*), овсяная каша (*немэр*) и небольшія лепешки изъ ржаной муки (*шорба индѣ*), заведенной на медовой сытѣ. Средину жертвенника занимаетъ восковой кругъ, въ центрѣ котораго поставлена восковая свѣча; толщина ея и вѣсъ зависятъ отъ усердія молящихся: чѣмъ больше богомольцевъ, тѣмъ болѣе жертвуется воску, и часто средняя „большая свѣча“ даже на моленіяхъ Якманова въ Царевококшайскѣ достигаетъ 1½ пудовъ вѣсу, а въ Уржумскомъ уѣздѣ—до трехъ пудовъ... Кругомъ „большой“ свѣчи звѣздообразно ставятся еще восемь свѣчей меньшаго діаметра; всѣ свѣчи имѣютъ одинаковую длину—9½ вершковъ. Свѣчи ставятся не только отъ мужчинъ, но и отъ имени женщинъ, и черемиски очень цѣнятъ такое равноправіе съ мужчинами.

Всѣми распоряжками на такихъ моленіяхъ завѣдуетъ глава сектантовъ въ данной мѣстности и наиболѣе почтенныя лица, избираемая общиной; жреческій персоналъ располагается подлѣ жертвенника, при чемъ у старшаго на головѣ бѣлый холщевый колпакъ, а у остальныхъ—бѣлыя шляпы. Колпакъ этотъ замѣнилъ ту высокую остроконечную шапку, какую черемисскіе жрецы носили въ отдаленное время.

Хотя кугусортинскіе порядки вообще допускаютъ участіе на моленіяхъ женщинъ и имѣющихъ ребенка дѣвицъ, однако онѣ

*) Слово это несомнѣнно происходитъ отъ *куз*—береза, во со страннымъ суффиксомъ. Бромъ *Юлѣи ѳтѣ* подобныя роцн вазываются еще у язычниковъ *куз ѳтѣ* (отъ *куз* моленіе)—„молебная роца“.

стоять особнякомъ и не ближе, какъ въ девяти саженьяхъ отъ священныхъ деревьевъ, а мужчины располагаются поближе—въ семи саженьяхъ. Если площадка мала, то указанные разстоянія измѣряются шагами.

На самой серединѣ поляны, между молящимися мужчинами и жертвенникомъ, при помощи живого огня разводится костеръ, непремѣнно изъ березовыхъ дровъ, и начинаеться моленіе, безъ всякаго предварительнаго гаданія (какъ у язычниковъ) о томъ, угодны ли Богу приносимыя жертвы. Стоя передъ жертвенникомъ и обративъ взоры на священныя деревья, старшій жрецъ начинаеть молитву „Великому Богу Создателю“ — *Kugū nūyriō Юмō лан*—и его женѣ—*Kugū nūyriō Юмōи авалди*. Молитва эта почти ничѣмъ не отличается отъ обычныхъ молитвъ, читаемыхъ язычниками; но здѣсь слышатся своеобразныя вставки, заключающія въ себѣ моленіе за всѣхъ добрыхъ людей, принесеніе покаянія во грѣхахъ, молитву за Царя и все царское семейство, а также и за русское воинство. Въ послѣдней молитвѣ неволью сказался основатель секты, бывшій гвардеецъ.

Все моленіе распадается на три части; при первой молитвѣ жрецъ и его помощники указываютъ Божеству на приносимыя жертвы; при второй отгоняется Шайтанъ, при чемъ главный жрецъ машеть саблей, а помощникъ цѣлится на западъ изъ ружья, угрожая враждебному духу; при третьей молитвѣ жрецы приподнимаютъ руками всѣ приносимыя жертвы по направленію къ священнымъ деревьямъ, прося Великаго Бога и его жену благосклонно принять эти жертвы, а затѣмъ становятся предъ жертвенникомъ съ воздѣтыми кверху руками, ладони конхъ приходятся вровень съ головой.

Послѣдняя просьба повторяется трижды; всѣ молящіеся, повторяя вполголоса слова молитвы, складываютъ руки крестобразно на груди и кланяются въ поясъ, какъ-бы молчаливо выжидала благосклоннаго отвѣта Божества, но не падаютъ съ распростертыми руками (крыжемъ) на землю, какъ язычники. Въ этотъ моментъ гуслирь начинаеть брать тихіе, меланхолическіе аккорды на гусяхъ и этимъ, по словамъ кугусортинцевъ, „умягчаетъ душу молящихся“, располагая ихъ къ молитвенному настроенію.

Послѣ этого въ каждомъ жертвенномъ хлѣбѣ мѣднымъ ножомъ вырѣзается изъ середины по кусочку, точно также по кусочку

отдѣляется отъ всѣхъ остальныхъ жертвъ и складывается на чистое, совершенно новое липовое блюдо; въ другое блюдо отливается часть напитковъ. Сопровождаемый всѣми своими помощниками, жрецъ несетъ оба блюда на костеръ и осторожно ставитъ ихъ на самую середину.

Музыка все это время не прекращается. Всѣ молящіеся, сложивъ руки на груди, кланяются въ поясъ, и теперь каждый уже молится про себя, высказывая Великому Богу свои сокровенныя мольбы и желанія.

Когда блюда стгорятъ бѣзъ остатка со всѣмъ содержимымъ, молящіеся поднимаютъ головы и принимаются за жертвенную трапезу; но при этомъ соблюдается строжайшій порядокъ: сначала подходятъ мужчины, потомъ женщины. Тѣ и другія получаютъ въ особую чашку внушительныхъ размѣровъ (*алдыр*) по частицѣ отъ всѣхъ жертвенныхъ яствъ, лежащихъ на престолахъ, а къ этому въ изобиліи добавляется еще изъ запасовъ, принесенныхъ вѣрующими богомольцами.

Главный жрецъ самъ черпаетъ разливательной ложкой освященные напитки—медъ и шорбу, и разливаетъ ихъ по ковшамъ, которые раздаются каждой группѣ богомольцевъ. Тѣ благоговѣнно пробуютъ, а потомъ выливаютъ въ принесенные съ собой бураки съ напитками, какъ бы освящая содержимое послѣднихъ.

Кугурсортинскій жертвенный пиръ сильно отличается отъ подобнаго же пиршества остальныхъ черемисъ: здѣсь во всемъ царитъ умѣренность и полный порядокъ, и только немногіе хмелѣютъ отъ крѣпкой медовщины. По окончаніи трапезы, богомольцы расходятся по домамъ, а жрецы остаются въ рошѣ до тѣхъ поръ, пока костеръ не стгоритъ дотла и не погаснетъ послѣдняя искра.

Подобнаго рода многолюдныя моленія совершали кугурсортинцы до начала гоненій, равно совершаютъ и теперь, если окажется возможнымъ, нѣсколько разъ въ годъ: а) въ концѣ Петрова поста (*сторэм*), б) около Ильина дня—начало жатвы, с) осенью, около половины сентября—конецъ жатвы, d) между Новымъ годомъ и Крещеньемъ (*шорокъ йол*), e) около нашей Пасхи (*куну кѣчѣ*), f) въ маѣ, передъ началомъ полевыхъ работъ (*атай найрам*), и всякій разъ на эти моленія собираются сотни приверженцевъ новой вѣры.

ГЛАВА V.

Новые вожаки секты. Кугусортинская мораль; подчиненіе волѣ Божіей; любовь къ ближнему. Вѣротерпимость. Трудъ—основа благосостоянія. Тяжкіе грѣхи: ложь, обманъ, зависть, убійство. Воздержаніе отъ употребленія въ пищу дикихъ звѣрей и птицъ, свирины и конины. Чистота тѣлесная и бѣлизна костюма. Сохраненіе вышивокъ на костюмѣ.

Послѣ ссылки въ Сибирь основателей секты, кугусортинцы растерялись и нѣкоторое время совсѣмъ не отправляли моленій въ жертвенныхъ рощахъ; эти моленія возобновились только послѣ 1896 года, когда основатели секты вернулись изъ ссылки. Но вскорѣ выяснилось, что за невозможностью проживать въ родныхъ краяхъ, они не могутъ руководить кугусортинцами; тогда во главѣ секты встали три черемисина, люди довольно зажиточные, безусловно трезвые и весьма почитаемые во всей округѣ. Глава яранскихъ кугусортинцевъ проживаетъ близъ с. *Ернууръ*, двое уржумскихъ—близъ с. *Сернура* и с. *Нового Торьяла*.

Я познакомился довольно коротко съ однимъ изъ нихъ два года тому назадъ и вынесъ самое пріятное впечатлѣніе. Представьте себѣ человѣка лѣтъ за 40, роста—выше средняго, съ выразительнымъ худощавымъ лицомъ и темнокакими горящими глазами. Крайне сдержанный, осторожный въ выраженіяхъ, Ермолай Епифановъ откровенно сознается, что онъ примкнулъ къ кугусортинцамъ только потому, что вѣра ихъ очень проста и требуетъ отъ человѣка прежде всего воздержанія, а въ христіанствѣ онъ мало свѣдующъ и отъ духовенства ничего хорошаго не видалъ. Его уже привлекали къ отвѣту за кощунство надъ Божіей Матерью и за попытку принести въ жертву человѣка; но такъ какъ обвиненіе это было чудовищно нелѣпо, то онъ легко оправдался. Изъ бесѣды съ нимъ я и выяснилъ себѣ основныя черты новой вѣры.

Кромѣ того двое надежныхъ лицъ изъ инородцевъ (учителя) по моему порученію посѣтили сектантовъ, проживающихъ въ Вараксинѣ, и братьевъ Якмаповыхъ въ Царевококшайскѣ, которыхъ опросили по особой, выработанной мною программѣ.

Всего больше и точнѣе разработана у кугусортинцевъ внѣшняя сторона новаго культа; этическая сторона выработана также удовлетворительно и по сравненію съ языческою этикою пред-

ставляетъ значительный шагъ впередъ. Въ то время какъ всѣ правила старой языческой морали построены главнымъ образомъ на утилитаризмѣ, кугусортинцы фундаментомъ для себя ставятъ любовь къ человѣчеству и полное подчиненіе волѣ Верховнаго Бога, который самъ по себѣ есть совершенство. Найти внутреннюю связь между отдѣльными требованіями этой морали сектанты не могутъ, но гдѣ это возможно, они указываютъ на ихъ логическую связь между собою.

На первомъ планѣ у нашихъ сектантовъ стоитъ полная вѣротерпимость: всѣ вѣры, которыхъ счетомъ 77, равны между собой; всѣ люди братья, и если кому нужно помочь, они не спрашиваютъ, какой вѣры нуждающійся. Кугусортинцы не чуждаются общенія съ кѣмъ бы то ни было и даже ѣдятъ съ инновѣрцами изъ одной посуды, не видя въ этомъ оскверненія. Честный трудъ, упорный и постоянный, считаютъ они единственною основой матеріальнаго благополучія.

Ложь и обманъ—самыя большіе грѣхи. Въ этомъ отношеніи кугусортинцы стоятъ такъ высоко, что слову ихъ можно вполне довѣряться. Чужого не слѣдуетъ не только отнимать, не только брать тайно или добывать путемъ обмана, но даже и желать зарно.

Убить человѣка—большой грѣхъ; точно также безъ крайней надобности не слѣдуетъ убивать домашнихъ животныхъ, звѣрей и птицъ, потому что нельзя вернуть имъ жизни, которая у нихъ отнимается. Тѣмъ не менѣе, уступая слабости человѣческой, кугусортинцы допускаютъ употребленіе въ пищу мяса коровъ и овецъ, куръ, гусей, утокъ; ѣдятъ и куриныя яйца: „потому“, говорятъ кугусортинцы, что мы сами разводимъ и выкармливаемъ ихъ“.

Рыбу они употребляютъ въ пищу, считая это на половину грѣхомъ, и почему-то убѣждены, что предки ихъ не употребляли рыбы. Всякаго рода дикихъ звѣрей и птицъ (медвѣдей, зайцевъ, бѣлокъ; тетеревей, рябчиковъ, дикихъ гусей и утокъ) въ пищу они не употребляютъ: „потому что это—звѣри и птицы вольные, не человѣкомъ выкормленные; а надъ чѣмъ мы не трудились, тѣмъ грѣшно и пользоваться“.

Изъ домашнихъ животныхъ кугусортинцы совсѣмъ перестали разводить свиней и не употребляютъ въ пищу ихъ мяса: „такъ какъ свинья—животное грязное, ѣсть всякую нечистоту и даже

надаль“. Точно также они не употребляютъ въ пищу конину. Помимо этого нужно быть вообще умѣреннымъ и не позволять себѣ излишествъ ни въ питъѣ, ни въ ѣдѣ, а наканунѣ моленія воздерживаться даже отъ супружескихъ сношеній.

Чистота физическая у кугусортинцевъ играетъ довольно важную роль. Предъ моленіемъ нужно вымыться въ банѣ, надѣть чистое бѣлье и платье. Правда, такое же требованіе существуетъ и у остальныхъ черемисъ, но оно не проводится въ повседневной жизни, а у сектантовъ чистота и опрятность постоянно наблюдаются во всемъ домашнемъ обиходѣ. Многіе даже стараются выбѣлить внутренность своихъ избъ. Платье сектантовъ исключительно бѣлаго цвѣта, не въ подражаніе березѣ, какъ говорятъ остальные черемисы, но „потому, говорятъ кугусортинцы, что мы молимся свѣтлomu Божеству, а не мрачному злomu духу“. Бѣлизна оджды проведена у нихъ очень строго: не только рубахи и кафтаны, шляпы, валенки и онучи, но даже полушубки у нихъ не дубленые, а бѣлые, и зимой по этому бѣлому костюму кугусортинца легко отличить въ массѣ остальныхъ черемисъ. Фабричныхъ издѣлій они не носятъ: „потому что намъ неизвѣстно, изъ чего они сдѣланы, кромѣ того предки наши избѣгали фабричныхъ издѣлій“. Единственное въ этомъ родѣ исключеніе сдѣлано для вышивокъ всякаго рода на мужскихъ и женскихъ сорочкахъ и кафтанахъ, которыя кугусортинцы не только употребляютъ, но даже примѣняютъ для нихъ покупной шелкъ и цвѣтную бумагу, особенно для женскихъ головныхъ уборовъ, не ограничиваясь для этого цвѣтною шерстью домашняго производства.

Обратимся теперь къ критикѣ кугусортинскаго вѣроученія, безпристрастной, насколько это возможно.

ГЛАВА VI.

Критика кугусортинскаго вѣроученія. Вліявіе христіанства и древнеязыческаго предаяніи. Параллель Якманова съ Александромъ Тамшинерскимъ. Новшества Якманова. Покаяніе во грѣхахъ. Новый видъ жертвъ. Новости жертвенной обстановки: восковой кругъ, большая свѣча, липовый и березовый столы, деревянные ружье и сабля, хлѣбъ и лепешки на медовой сытъ, мѣдный пожъ. Якмановъ дѣйствуетъ безъ откровеніи свыше. Древнее язычество не знало ничего подобнаго. Элементъ выдумки въ новой вѣрѣ. Дѣтская аргументація новшества.

Отсутствіе сектантской пропаганды. Обычныя признаки появленія секты. Мѣстные условія. Ошибка властей въ способахъ борьбы съ сектой. Натяжки въ этомъ дѣлѣ. Несправедливая ссылка сектантовъ. Невѣрный взглядъ на секту, какъ на особый видъ религіозно-политическаго сепаратизма. Последняя попытка еп. Никона уничтожить секту. Обращеніе его къ казанскому архісп. Дмитрію. Новое изслѣдованіе сектантства. Благопріятный отзывъ г. *Лоблова*. Болѣе ранній отзывъ г. *Мошкова*.

Обзоръ этической стороны новой вѣры убѣждаетъ насъ какъ нельзя лучше, что вѣроученіе кугусортинцевъ въ значительной мѣрѣ, но не исключительно, сложилось подъ вліяніемъ христіанства. Хотя Якмановъ говоритъ, что онъ только возстановилъ вѣру старыхъ черемисъ, т.-е. настоящихъ *чи марі*—„истинныхъ марі“, но это несовсѣмъ вѣрно. Онъ привнесъ въ свою вѣру много такого, чего совсѣмъ не знаютъ черемисы язычники, придерживающіеся стараго порядка кровавыхъ жертвоприношеній; а сторонники послѣднихъ точно также настаиваютъ на томъ, что они соблюдаютъ древнія преданія и жертвенные приемы. Въ этомъ отношеніи попытка Александра Тамшинерскаго реставрировать черемисское язычество въ его древнемъ обликѣ имѣютъ подѣ собою далеко болѣе твердую почву: онъ ничего не придумалъ, а только возстановилъ то, что вышло изъ обрядоваго употребленія, но еще сохранилось въ той или иной формѣ въ народной памяти. Оттого такъ быстро сказалось вліяніе Александра, и произведенное имъ возобновленіе старинны можно видѣть на всей черемисской терригоріи въ болѣе или меньшей степени однообразія.

Иначе обстоитъ дѣло у Якманова. У Якманова такъ много новаго и въ понятіи о Божествѣ, и въ ритуалѣ, и въ жертвенной обстановкѣ, что невольно напрашивается вопросъ: откуда онъ взялъ это? Если мы допустимъ, что въ кугусортинскомъ ученіи о Великомъ

единомъ Богѣ возродилось древнее вѣрованіе въ единого Бога, утраченное человѣчествомъ на зарѣ своего бытія, какъ учатъ насъ христіанскіе богословы, то по отношенію къ Якманову такое духовное возрожденіе прямо невысказуемо. Остается, за отсутствіемъ иныхъ источниковъ, допустить заимствованіе изъ христіанства; отсюда же взято и поиманіе Божества, какъ Существа всемогущаго, безконечно добраго.

Кугусортинскій религіозный обрядъ есть видоизмѣненное сокращеніе обычнаго ритуала кровавыхъ жертвоприношеній. Изъ массы отдѣльныхъ молитвъ, обращенныхъ къ сонму спеціальныхъ божествъ, основатели секты составили одну, объемлющую всѣ нужды черемисъ, духовныя и матеріальныя; эту молитву адресуютъ они Великому Богу-создателю и его жепѣ въ три пріема, какъ и прочіе язычники. Но въ средней (второй) молитвѣ есть вставка, представляющая покаяніе молящихся во грѣхахъ, и особая вставка о Царѣ, его воинствѣ и о всѣхъ добрыхъ людяхъ. Эти вставки навѣяны уже христіанствомъ, потому что древнее язычество не знало покаянія во грѣхахъ, не знало и молитвъ за всѣхъ добрыхъ людей. Заимствованіе тутъ—внѣ всякаго сомнѣнія.

Другое дѣло—новый видъ жертвъ и особый колоритъ всей жертвенной обстановки: все это явилось внезапно и было невѣдомо черемисской массѣ. Правда, теперешній ближайшій сотрудникъ Якманова—Иванъ Ивановъ, говоритъ, что кугусортинская вѣра существуетъ уже пятое поколѣніе, т.-е. свыше 100 лѣтъ, но это едва-ли справедливо, потому что всѣ остальные сектанты, даже самъ Якмановъ, молчатъ объ этомъ фактѣ, а онъ не могъ бы остаться незамѣченнымъ со стороны черемисъ. Я могу только допустить, что слишкомъ сто лѣтъ назадъ, подъ вліяніемъ христіанской проповѣди, могло зародиться въ Иранскомъ уѣздѣ. на мѣстѣ возникновенія секты и среди самихъ черемисъ, мнѣніе о бесполезности кровавыхъ жертвъ, но не больше. Если бы кугусортинская вѣра существовала такъ давно, то жертвенные ея порядки не поражали бы черемисъ на первыхъ порахъ; но извѣстно, что вначалѣ черемисы потѣшались надъ появивленною „старой вѣрой“, въ которой все казалось имъ необычно и дико, и вниманіе ихъ остановилось только на громадныхъ размѣровъ восковой свѣчѣ, почему новая вѣра получила отъ нихъ въ насмѣшку названіе „большой свѣчи“ (*кугу сорта*), которое такъ и

осталось за ней, вмѣсто даннаго Якмановымъ названія „древне-черемисско-языческой вѣры“ (*тоитѣ чи марі вера*).

Для рядовыхъ черемисъ однако не все было ново въ кугусортинской вѣрѣ, что касалось внѣшней обстановки моленій: они знали и сами добывали живой огонь, употребляли восковыя свѣчи; ленгежи (бураки), разливательная ложка, ковши, гусли—все это хорошо было имъ знакомо. Но они съ изумленіемъ смотрѣли на восковой кругъ внушительныхъ размѣровъ, на липовый и березовый столы, на деревянное ружье и саблю; не столько возбуждалъ ихъ вниманіе овсяный хлѣбъ на медовой сытѣ, сколько мѣдный ножъ. До сихъ поръ никто изъ посѣщавшихъ Якманова не догадался спросить, откуда взялъ онъ все это? Сторонники кровавыхъ жертвъ отгоняютъ Шайтана по древнему способу—головешкой и ударами ножа по топору; основатели секты ввели ружье и саблю, но деревянные, а не металлическія, потому что изгнали все металлическое изъ жертвеннаго обихода. Но такъ какъ деревяннымъ ножомъ хлѣба отрѣзать нельзя, то введенъ мѣдный. Несомнѣнно, что въ глубокой древности черемисы знали мѣдъ и бронзу, какъ единственный металлъ, а еще раньше знали кремень, какъ рѣзущее орудіе, но память черемисская не могла объ этомъ сохранить воспоминанія. Повидимому, на примѣненіе мѣди натолкнула основателей случайная находка на поляхъ мѣднаго или бронзоваго ножа, а такія находки въ предѣлахъ Иранскаго и Уржумскаго уѣздовъ не составляютъ рѣдкости.

Возстановляя саблю и ружье, какъ якобы принадлежность древняго культа черемисъ, Якмановъ не могъ взять ихъ изъ народныхъ преданій, потому что таковыхъ нѣтъ; черемисы помнятъ только копье (*умдѣ*), мечъ (*кердѣ*) да лукъ (*юнтэжэ*) со стрѣлами (*пикхи*), а съ ружьемъ (*пужим*) познакомились они уже въ эпоху русскаго владычества, когда увидали „пищали“. Допустимъ, что „древніе черемисы“ знали ружье, употребляли его. При чемъ же тутъ холщевая обшивка, которая примѣнена даже къ саблѣ? Развѣ, благодаря холсту, ружье и сабля дѣлаются болѣе страшными для Шайтана? Или, быть можетъ, Шайтанъ не догадается, что ему грозятъ не настоящимъ ружьемъ и саблей, коль скоро они обшиты холстомъ? Все это до крайности забавно и ни на какомъ преданіи не основано. Но Якмановъ не опирается въ данномъ случаѣ и на откровеніе свыше, которое истинно вѣрующимъ чере-

мисамъ Божество дѣлаеть иногда во время сна. Такъ было съ Александромъ Тамшинерскимъ, видѣвшимъ во снѣ Великаго Юму въ благолѣпномъ бѣломъ одѣяніи и съ серебрянымъ посохомъ въ рукахъ. Икмановъ не дѣлаеть ссылки на подобное откровеніе, а говоритъ только, что все введенное имъ въ ритуаль и жертвенную обстановку сектанты заимствовали „отъ отцовъ своихъ“.

Такое утвержденіе несправедливо. Среди огромной массы сторонниковъ кровавыхъ жертвъ очень много черемисъ, глубоко и искренно вѣрующихъ, бережно сохраняющихъ все остатки старины, и однако они ни о чемъ подобномъ не слышали отъ своихъ отцовъ. Замѣчательно, что эти послѣдніе мирятся со многимъ въ новой вѣрѣ, но имъ смѣшны кажутся обшитые холстомъ сабля, ружье и мѣдный ножъ, непонятно устраненіе кровавыхъ жертвъ и слишкомъ строгимъ представляется воздержаніе отъ табаку, чаю и особенно—водки. Общаго характера кугусортинской вѣры сторонники кровавыхъ жертвъ однако не осуждаютъ и не интригуютъ противъ сектантовъ, а только иногда вышучивають отмѣченныя новшества, которыя, по ихъ мнѣнію, *выдуманы* основателями секты, но не возстановлены на основаніи древнихъ преданій, а тѣмъ болѣе—откровенія.

Эта сторона кугусортинской вѣры, именно—элементъ изобрѣтательности, выдумки, не основанной на древне-языческихъ преданіяхъ, не опирающейся (хотя бы изъ приличія) на откровеніи, составляетъ самое слабое ея мѣсто. Это—ни больше, ни меньше, какъ обманъ, то, что въ старомъ католичествѣ носитъ названіе *pia fraus*—благочестивый обманъ. Этотъ невинный по существу своему обманъ обычно прикрывается у сектантовъ ссылкой „на отцовъ нашихъ“, отъ которыхъ они его унаслѣдовали. И ссылка эта дѣлается столь благодушно, съ такимъ невиннымъ видомъ, что обезоруживаетъ бесѣдующаго съ кугусортинцами, и тотъ поневолѣ мирится съ подобнымъ, чисто дѣтскимъ доводомъ. Однако вѣ сомнѣніи, что нельзя унаслѣдовать того, чего наслѣдодатель не оставилъ послѣ себя; ссылка сектантовъ на „предковъ“, на „отцовъ“ не выдерживаетъ, стало быть, ни малѣйшей критики.

Но такъ какъ народная масса, особенно женщины, неспособны углубляться въ эти подробности, то пренія о вѣрѣ среди черемисъ представляютъ рѣдчайшее явленіе. Даже стоящіе во главѣ язычества жрецы не всегда вдумываются во все подробности по-

вой вѣры, и только изъ бесѣды съ постороннимъ лицомъ начинаютъ уяснять себѣ суть дѣла.

Характерная особенность новой вѣры—отсутствіе пропаганды. Сектанты никого не убѣждаютъ, никого не увлекаютъ, однако число кугусортинцевъ замѣтно растетъ. Духовенство съ нѣкоторымъ чувствомъ растерянности замѣчаетъ въ своемъ приходѣ появленіе секты. Никакихъ грозныхъ признаковъ нѣтъ, ничто не указываетъ на появленіе въ народѣ волненій, но въ воздухѣ прихода чувствуется что-то новое, а это и страшно... Духовенство недоумѣваетъ: среди прихода тамъ и сямъ замѣчаются тихіе разговоры, поведеніе населенія въ праздничное время становится благопристойнѣе, всѣ начинаютъ выглядѣть опрятнѣе, но что всего непонятнѣе—прекращается пьянство, а съ нимъ исчезаетъ и многоэтажная ругань. Какъ-будто что-то неладно...

Я былъ въ гостяхъ у одного батюшки, зашелъ къ нему послѣ обѣдни выпить чаю. На большой базарной площади, прямо противъ дома священника, собрались двѣ группы черемисъ: трое или четверо одѣты во все бѣлое, а около—цѣлая толпа въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, среди которыхъ черные сапоги и черные картузы рѣзко выдѣлялись на фонѣ бѣлыхъ рубашекъ. Обѣ группы оживленно бесѣдовали, и видимо—внимательно прислушивались другъ къ другу. Смотрю я въ окно и говорю:

— „А у васъ, о. Петръ, кажется въ селѣ появились ужъ кугусортинцы?“

— Какъ, гдѣ, когда? Что вы говорите? Ради Бога!.. Да можетъ ли быть?

Батюшка порывисто вскочилъ со стула и началъ бѣгать по залу. Одна вѣроятность появленія секты въ самомъ селѣ приволила его въ крайнее волненіе.

А волненіе это будетъ понятно, если мы примемъ во вниманіе мѣстныхъ условія. Неопровержимый фактъ, что секта растетъ, налицо. Предписаніе за предписаніемъ летитъ къ сельскому духовенству. Прежде оно знало, что нужно бороться съ язычествомъ, выражавшимся въ кровавыхъ жертвоприношеніяхъ. Это—врагъ христіанства старый, въ общихъ чертахъ болѣе или менѣе знакомый, хотя—по совѣсти—знакомый довольно плохо. А кугу сорта? Что такое эта секта? Чего она хочетъ? Во что и какъ вѣруетъ? Почему черемисы ей симпатизируютъ?

И сельскіе батюшки съ ужасомъ видятъ, что имъ приходится теперь быть во всеоружіи на два фронта, при чемъ съ одной стороны грозить имъ врагъ совершенно новый, совсѣмъ невѣдомый. Какъ съ нимъ бороться, съ чего начинать? Съ чего?

Въ этомъ-то именно весь вопросъ! Нуженъ исходный пунктъ, нужна опора въ борьбѣ съ новымъ ученіемъ. Но высшее духовное и свѣтское начальство испортило дѣло на самыхъ первыхъ порахъ. Когда основатели нимало не таились, совершали свои моленія вполне открыто, ученіемъ сектантовъ по существу *никто* не заинтересовался. Первоначальное обвиненіе противъ кугусортинцевъ возникло по жалобѣ мѣстнаго духовенства на неплатежъ руги. Крупная ошибка властей заключается въ томъ, что онѣ захотѣли похерить секту административнымъ путемъ, безъ гласнаго суда. Нужны были вопіющія натяжки, чтобы могла состояться административная высылка основателей секты. Гласное разбирательство выяснило бы сущность ученія сектантовъ, его возвышеннѣйшій характеръ и полную безвредность секты въ общественномъ смыслѣ. Но несомнѣнно также, что сектантовъ оправдали бы, и самое большее—присудили бы крещенныхъ къ церковному покаянію. Властямъ же хотѣлось вырвать секту съ корнемъ, почему вожаки были обвинены „въ основаніи новой вѣры, отличающейся противообщественнымъ характеромъ, крайне вредной какъ для христіанства, такъ и въ государственномъ отношеніи“. Таково было опредѣленіе Вятскаго губернскаго присутствія, на основаніи коего сектанты вырваны изъ родной среды и отправлены въ ссылку.

Точка зрѣнія на секту, какъ ученіе крайне зловредное, стремящееся вырвать черемисъ изъ-подъ русской опеки и обособить въ отдѣльное политическое цѣлое, съ особымъ языкомъ, вѣрою и обычаями, сложилась у вятской епархіальной власти вскорѣ послѣ Казанской выставки—въ 1891 г., сложилась безъ всякихъ фактовъ, на почвѣ чисто канцелярской реторики. Все время секта разсматривалась съ этой точки зрѣнія, т.-е. совершенно неправильно, и это искусственное освѣщеніе вредило ея изученію. Сектантъ-кугусортинецъ еще донинѣ рисуется въ глазахъ властей, какъ политическій сепаратистъ, пожалуй—какъ социалстъ на почвѣ вѣры. Самое ученіе сектантовъ игнорировалось, а вмѣсто изученія новой вѣры производилось только полицейское наблюденіе.

Епископъ вятскій *Никонъ*, столь трагически погибшій поздиѣ въ санѣ экзарха Грузіи, держался, какъ и его предшественникъ, еп. *Алексій*, такого именно воззрѣнія на секту. Послѣ объѣзда Вятской епархіи въ 1904 г., о которомъ я имѣлъ случай говорить въ другомъ мѣстѣ, собираваясь покинуть вятскую паству, преосвященный Никонъ казался очень озабоченъ ростомъ новой черемисской вѣры; его крайне беспокоило, что основатели секты—братья *Икмановы*—живутъ такъ близко отъ предѣловъ Вятской епархіи и отъ своей родины. Ему хотѣлось если не уничтожить совсѣмъ это гнѣздо, то по крайней мѣрѣ сдѣлать безвреднымъ.

Съ этой цѣлью 9 ноября 1904 г. за № 6671 обратился онъ къ *Димитрію*, архіепископу казанскому, съ отношеніемъ на счетъ секты кугу сорта, вредной въ религіозномъ и общественномъ смыслѣ.

„Вятскимъ епархіальнымъ начальствомъ, пишетъ онъ, въ 1891 г. и Вятскимъ губернскимъ присутствіемъ въ 1893 г. черемисская секта кугу-сорта названа противообщественною и, какъ таковая, признана вредною по ея явной цѣли отреченія отъ христіанства (,) въ видахъ разъединенія черемисъ отъ русскихъ и возвращенія ихъ къ какой-то древней до-христіанской жизни, съ удержаніемъ черемискаго языка, особенностей быта и обычаявъ. Кугусортинцы, по возвращеніи изъ Сибири, поселившись невдалекѣ отъ своей родины (,) одни въ г. Царевококшайскѣ, а другіе въ деревнѣ Вараксинѣ (,) возобновили сношенія съ ихъ родственниками и другими черемисами ближайшихъ къ нимъ приходоу Вятской губ. Вслѣдствіе этого секта кугу-сорта, заглохшая было послѣ выселенія ея главныхъ приверженцевъ въ Сибирь, снова стала оживать и вредно вліять на православныхъ черемисъ Вятской епархіи“.

Такимъ образомъ, по смыслу этого отношенія, главные виновники оживленія секты въ Вятской епархіи суть кугусортинцы, проживающіе въ г. Царевококшайскѣ и въ дер. Вараксинѣ. Усматривая очагъ заразы за предѣлами своей епархіи, преосвященный Никонъ просилъ архіепископа *Димитрія* „оказать содѣйствіе къ ослабленію и искорененію секты кугу-сорта, главнымъ образомъ чрезъ вразумленіе руководителей и пропагандистовъ ея, проживающихъ въ предѣлахъ Казанской епархіи“.

Хотя епископъ Никонъ крѣпко ошибался, отрицая существованіе въ предѣлахъ Вятской епархіи вожаковъ секты (которыхъ

тамъ трое) и видя очагъ заразы въ чужой епархіи, но покойный архіеп. Димитрій исполнилъ его желаніе, и уже 16 ноября поручилъ епархіальному катехизатору Я. Коблову произвести наблюдене и дать свой отзывъ о сектѣ кугу сорта; результатомъ этого наблюденія явился трудъ *Коблова* „Черемисская секта кугу-сорта. Этнографическій очеркъ изъ жизни черемисъ“¹⁾.

Какъ и слѣдовало ожидать, въ ученіи сектантовъ не оказалось ничего опаснаго для государства, не добыто также доказательствъ о пропагандѣ новой вѣры среди черемисъ; напротивъ, г. Кобловъ констатируетъ „общительность, добродушіе и простоту“ сектантовъ, а эти качества ихъ „говорятъ за то, что ихъ нельзя признать людьми противообщественными, вредными, завлекающими въ сѣть своего лжеученія многихъ другихъ“ (стр. 22). „Въ кугусортинахъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ: я думалъ встрѣтить рьяныхъ фанатиковъ, подозрительныхъ и злыхъ, на подобіе отступниковъ отъ христіанства изъ крещеныхъ татаръ. А въ дѣйствительности это—привѣтливые люди, которые при первомъ же своемъ знакомствѣ раскрыли всю свою душу, рассказали подробно о своихъ вѣрованіяхъ и о своихъ злоключеніяхъ въ далекой Сибири. Никакого подозрѣнія они къ себѣ не внушаютъ. Настолько они наивны, просты и добродушны въ своихъ разказахъ, по своему отношенію къ людямъ и по своей довѣрчивости“ (стр. 20).

Столь же лестный отзывъ даетъ о кугусортинахъ г. *Моиковъ* посѣтившій ихъ въ 1901 г.²⁾ „Въ общемъ кугусортинцы произвели на меня чрезвычайно пріятное впечатлѣніе своей незлобностью и простодушіемъ. Лицъ, изъ-за которыхъ имъ пришлось пострадать, ни одинъ изъ нихъ ни разу не побранилъ, а о несчастіяхъ своихъ они рассказывали такъ, какъ-будто виновниками ихъ были не люди, а какія-то непроборимыя силы природы, вродѣ пожара, наводненія или землетрясенія“.

„Что касается, говоритъ онъ далѣе: высокой нравственности царевококшайскихъ кугусортинцевъ, то оспаривать се нѣтъ никакого

¹⁾ Напечатанъ въ „Правосл. Собесѣдникъ“ 1905 г. и отдѣльно (Казань 1905 25 стр. 8^о). Отсюда мы заимствуемъ текстъ отношенія еп. Никона къ архіеп. Димитрію.

²⁾ *Книжки Пивы* за 1901 г., май. Стр. 101—102.

основанія.. Можно думать, что этой нравственной чистотѣ вожаков секты нужно приписать и успѣхъ ея среди темной черемисской массы въ Яранскомъ уѣздѣ“.

Итакъ, кугусортинской пропаганды не существуетъ, сами сектанты—благодушные люди, вполне примиряющіеся съ существующимъ государственнымъ строемъ, ведущіе жизнь, полную строгаго воздержанія, глубоко вѣрующіе, никого въ сѣти своего ученія не увлекающіе.

Но секта растетъ; стало быть, есть же въ ней нѣчто такое, что влечетъ къ ней черемисъ и безъ пропаганды...

ГЛАВА VII.

Причины усильнаго распространенія секты, не ведущей пропаганды: 1) дороговизна кровавыхъ жертвъ; 2) дешевизна частыхъ молепій сектантовъ; 3) участіе женщины въ моленіяхъ и ея вліяніе на прозелитизмъ; 4) частое поминаніе умершихъ; 5) устраненіе Керемета; 6) ореолъ, окружающій основателя секты. Образъ жизни и поведеніе сектантовъ. Внѣшній обликъ сектанта. Распространеніе секты въ послѣднее время. Бесѣды сектантовъ со сторонниками кровавыхъ жертвъ. Поведеніе прозелитовъ секты.

Въ чемъ же кроется привлекательность этой секты для черемисъ, до того сильная, что они подчиняются довольно суровымъ требованіямъ кугусортинской морали и порываютъ связь съ язычествомъ многобожія и кровавыхъ жертвъ?

Причины подобнаго явленія нѣсколько, и изъ нихъ самая главная—чисто *экономическая*: старое язычество очень убыточно для религіознаго черемисина. Жертва должна покупаться безъ торга, высокою цѣной, которая распредѣляется между всѣми молящимися поровну; кромѣ того каждый долженъ доставить (по разверсткѣ) муки, крупы, меду, солоду и кумышки; самыя жертвоприношенія въ рощахъ затруднительны и дороги, благодаря тому, что многіе урядники и стражники уже давно сдѣлали себѣ изъ нихъ доходную статью, облагая каждый жертвенный костеръ „акцизомъ“ (какъ они называютъ) по 3 руб. При этихъ условіяхъ многолюдныя моленія могутъ совершаться лишь въ рѣдкихъ, особо благоприятныхъ случаяхъ, и такимъ образомъ религіозное чувство черемисъ не имѣетъ для себя надлежащаго выхода, тѣмъ

болѣе, что въ большинствѣ храмовъ въ черемисскихъ приходѣхъ богослуженіе совершается на славянскомъ языкѣ, непонятномъ даже для русскихъ.

Между тѣмъ у кугусортинцевъ моленія совершаются каждую пятницу и стоятъ очень дешево, сравнительно съ кровавыми жертвоприношеніями. Если средства бѣднаго кугусортинца не позволяютъ ему принести посильную жертву въ видѣ масла, браги, воска и зернового хлѣба, онъ можетъ это отложить до будущаго и невозбранно молиться вмѣстѣ съ другими, равно и вкушать отъ жертвенной трапезы, что невозможно у язычествующихъ.

Вторая причина—участіе черемисской женщины въ дѣлѣ вѣры: вмѣстѣ съ другими черемисками она—полноправный членъ новой религіозной общины. Вѣчно заваленная работой, черемиска прежде даже молиться въ рощѣ не могла вмѣстѣ съ мужчинами и обыкновенно только стояла подлѣ ограды священной рощи; исключеніе дѣлалось для бездѣтныхъ, приходящихъ для жертвоприношенія Великой богини дѣторожденія—*Kuun uobnijn awi*. Теперь она невозбранно является на моленіе. Кромѣ того она знаетъ, что мужъ ся теперь не будетъ пьянствовать, не будетъ колотить ся и дѣтей; знаетъ, что онъ долженъ быть постоянно въ работѣ, какъ того требуетъ новая вѣра. При этихъ условіяхъ легче идетъ воспитаніе дѣтей и въ домѣ рѣже сказывается острая нужда. Не входя въ разныя тонкости новой вѣры, черемиска всего выше цѣнитъ то, что ся мужъ не будетъ разоряться на монопольку, не будетъ вносить крупной иногда доли на кровавыя жертвы. И нѣтъ у кугусортинцевъ никого усерднѣе женщинъ!.. Обращеніе семьи въ новую вѣру всегда почти начинается съ женщины; домохозяйки примыкаютъ часто послѣднимъ, потому что ему трудно разстаться съ водкой, табакомъ, часмъ... Самый пріемъ въ секту совершается послѣ того, какъ прозелитъ докажетъ силу своей воли продолжительнымъ воздержаніемъ, даящимся не менѣе года.

Третья причина: частое поминованіе умершихъ—каждую пятницу. Для воспитаннаго на культѣ предковъ черемисина это—столь великое дѣло, что мы даже не въ состояніи оцѣнить этого. У остальныхъ черемисъ поминки вызываютъ большой расходъ и много хлопотъ, а у сектантовъ все такъ просто и неубыточно... Правда, сектанты не угощаютъ покойниковъ, не просятъ ихъ попить, поѣсть, поплясать на поминкахъ, но за то молятъ Вели-

каго Бога, чтобы онъ далъ имъ возможность быть въ черемисскомъ раю—„ходить при солнечномъ свѣтѣ“, а главное—чтобы простилъ ихъ земные грѣхи, которые мѣшаютъ имъ удостоиться этого высокаго счастья. И этого для массы довольно: она видитъ и слышитъ, что предки кугусортинцевъ вполне довольны новымъ видомъ поминокъ, не пристають къ живымъ съ разными требованіями и не жалуется на плохое житье въ загробномъ мірѣ.

Изъ остальныхъ причинъ можно указать на ту, что Кереметь, къ общему удивленію черемисъ, не трогаетъ кугусортинцевъ, хотя они ничѣмъ его не ублажаютъ, мало того—не признають его за грозную силу. И тѣмъ не менѣ Кереметь оставляетъ ихъ въ покоѣ, потому что они въ него *не вѣрятъ*.

Чтобы взвѣсить значеніе этого факта, по достоинству оцѣнить его, нужно знать черемисскую дѣйствительность. Относя великія бѣдствія, неудачи на счетъ Кереметя, черемисцы видятъ роковое вліяніе его во всемъ, что выражается въ видѣ разныхъ педочетовъ въ его хозяйствѣ, въ семейныхъ раздорахъ, въ упорныхъ болѣзняхъ и даже въ крайне угнетенномъ состояніи духа, оканчивающемся мрачною меланхоліей; натуры активныя кончаютъ подъ вліяніемъ меланхоліи самоубійствомъ, болѣе слабыя—медленно угасаютъ. Это—совершенно особый видъ тяжкаго первнаго страданія, вызваннаго житейскими неудачами, которое старые врачи (30-хъ и 40-хъ годовъ минувшаго столѣтія) называли *кереметной*. Такое страданіе они замѣчали также у вотяковъ и чувашъ, и по этому вопросу имѣется даже небольшая литература. У кугусортинцевъ нѣтъ ничего подобнаго, и это невольно обращаетъ на себя вниманіе черемисъ.

Наконецъ, прибавьте къ этому тотъ ореолъ, который окружаютъ основателей секты, перенесшихъ ссылку въ Сибирь, подвергавшихся столькимъ гоненіямъ и донинѣ состоящихъ подъ неуспыннымъ надзоромъ, но твердо держащихся своей вѣры... Одно это производитъ на черемисъ сильное обаяніе, не говоря о благолѣпін сектаптекаго богослуженія, совершаемаго при яркомъ освѣщеніи и съ бѣльшимъ соблюденіемъ порядка, чѣмъ обычныя языческія моленія.

Вліяніе на массу всѣхъ вышеуказанныхъ причинъ настолько сильно, что кугусортинцамъ совсѣмъ нѣтъ нужды заниматься пропагандой своего ученія. Самое большее, что они только, от-

вѣчаютъ на задаваемые имъ вопросы, но состязательныхъ бесѣдъ и споровъ, уговариваній или чего-нибудь подобнаго они никогда не примѣняютъ. Ежедневный образъ ихъ жизни и поведенія и, какъ результатъ этого—подъемъ благосостоянія—всею лучше убѣждаютъ окружающихъ. Большинство черемисъ сознаетъ, что главною причиною благосостоянія сектантовъ и ихъ благодушія, ихъ нравственнаго обаянія служить не столько обрядовая внѣшность, сколько то, что они ведутъ очень воздержную, близкую къ подвижничеству жизнь, избѣгаютъ праздности и всегда заняты трудомъ; и только меньшинство черемисъ все благополучіе сектантовъ объясняетъ тѣмъ, что Кереметь ихъ не трогаетъ.

Вышеуказанныя обстоятельства столь сильно дѣйствуютъ на массу, что секта распространяется во всѣ стороны, хотя и не быстро, но вѣрно. Еще въ 1904 г. въ с. Новомъ Торъялѣ было всего нѣсколько десятковъ семей кугусортинцевъ, а около с. Сернура секта имѣла приверженцевъ въ одномъ только небольшомъ починкѣ; минувшимъ лѣтомъ близъ Сернура образовалась уже цѣлая община, каждую пятницу отправляющая моленія, а около с. Новаго Торъяла ихъ нѣсколько. Ничего бросающагося въ глаза, ничего вызывающаго нѣтъ въ поведеніи сектантовъ: они скромны, вѣжливы, трудолюбивы. Самая внѣшность кугусортинца способна расположить къ нему всякаго: постоянно спокойный, уравновѣшенный въ своихъ дѣйствіяхъ, глубоко честный въ сношеніяхъ съ окружающими, видимо—взвѣшивающій каждый свой поступокъ, кугусортинецъ производитъ наилучшее впечатлѣніе. Постоянно памятуя о Богѣ, во всемъ придерживаясь строгаго воздержанія, сектантъ отдаетъ дань и жизни: когда возможно, онъ веселится, но скромно и съ соблюденіемъ благопристойности. Молодежь пляшетъ, любезничаетъ и поетъ пѣсни, но и въ этихъ пѣсняхъ отражается вѣрующій кугусортинецъ, сознающій свою грѣховность и полную зависимость отъ Верховнаго Существа.

Таковъ обликъ симпатичнаго сектанта. Русское населеніе начинаетъ цѣнить сектантовъ, какъ людей надежныхъ и исполнительныхъ, а матушки сельскихъ священниковъ, скрѣпя сердце, иногда сознаются, что нѣтъ прислуги лучше кугусортинокъ; имъ не нравится только, что по пятницамъ прислуга уходитъ домой, очевидно—на моленіе.

Изъ Сернура секта проникла въ Ирмучангъ, с. Юледуръ и да-

же въ с. Турекъ, гдѣ имѣется резиденція земскаго начальника; здѣсь же находится значительное количество язычниковъ, сторонниковъ кроваваго культа. Последніе ничего не могутъ поддѣлать съ прозелитами новой вѣры, хотя глава ихъ *Обросъ* ведетъ съ послѣдними частыя бесѣды, на одной изъ которыхъ я присутствовалъ. Доводы жреца легко разбивались спокойными возраженіями сектантовъ.

Жрецъ—мой большой пріятель. Онъ сдѣлалъ изъ меня третейскаго судью и думалъ, что я рѣшу дѣло въ его пользу. И при кугусортницахъ безпощадно указалъ на слабыя стороны новой секты, и надо было видѣть выраженіе довольства на лицѣ жреца... Но когда я отозвался съ похвалою о единобожій сектантовъ, о низложеніи Керемета, объ уничтоженіи кровавыхъ жертвъ, столь убыточныхъ для черемисъ, я увидѣлъ, какъ непрощенная слеза скатилась по щекѣ Оброса. Онъ долго и задумчиво молчалъ, а потомъ сознался, что охуждать новой вѣры никакъ нельзя, но все же... лучше держаться старой, унаслѣдованной отъ предковъ. И я увѣренъ, что онъ не будетъ теперь препираться съ сектантами, но замкнется въ себѣ и молча станетъ наблюдать за ростомъ секты, а въ концѣ концовъ—кто знаетъ?—быть можетъ, и самъ примкнетъ къ ней.

Только что примкнувшіе къ сектѣ черемисы не стремятся сразу же выдѣлиться въ особую вѣроисповѣдную группу: они сохраняютъ въ домахъ иконы, не молясь имъ, срдѣдка посѣщаютъ для виду церковь, но стоятъ тамъ какъ „столбы“, не крестясь; они не отказываютъ даже духовенству, когда оно является съ крестомъ. Какъ настоящіе *двоеданцы*, они исправно платятъ ругу, и съ формальной стороны къ нимъ трудно придратъся. Манифестъ о свободѣ вѣроисповѣданій далъ поводъ многимъ сектантамъ признать себя открыто кугусортницами, но это не сопровождалось рѣшительно никакими демонстраціями и грубостями. Многие, памятуя о ссылкѣ основателей секты въ Сибирь, покривили душой и заявили, что они просто уклоняются въ вѣру своихъ отцовъ—старое язычество. Страхъ предъ судебной волокитой объясняетъ тотъ фактъ, что большинство сектантовъ все же не признается въ принадлежности къ сектѣ и исповѣдуетъ новую вѣру потаенно: закрывая окна соломенными ставнями, сектанты ставятъ караулъ у запертыхъ воротъ того дома, гдѣ происходитъ моленіе.

Поэтому, думается мнѣ, еще долго невозможно будетъ статисти-
ческой учеть сектантства.

Что касается до вѣроученія новой секты *кугу сорта*, то мнѣ кажется, что послѣ всего вышензложеннаго сущность новой вѣры достаточно выяснилась. Кой-какія мелочи, правда, добавитъ сборникъ сектантскихъ молитвъ, такъ сказать *кугусортинскій требникъ*, который мнѣ хотѣлось бы издать и матеріалы для коего мною отчасти уже собраны. Если къ этому присовокупить полный наборъ жертвенныхъ принадлежностей, то секта будетъ изучена довольно удовлетворительно.

Г Л А В А VIII.

Кугусортинская свадьба. Время совершенія обряда. Костюмъ жениха и невесты, свахи и дружки. Обрядъ бракосочетанія; перекрѣта головного убора повобрачной. Свадебный пиръ.

Заключеніе. Незлобивость сектантовъ. Ошибки въ дѣйствіяхъ яранскаго духовенства. Оцѣнка секты, по сравненію съ мусульманствомъ и старымъ язычествомъ. Какъ слѣдовало бы дѣйствовать противъ новой секты?

Изъ другихъ обрядовъ, совершаемыхъ кугусортинцами, я, къ великому сожалѣнію, могу говорить только о сектантской свадьбѣ, такъ какъ кугусортинскихъ похоронъ не видалъ; послѣднія должны быть очень любопытны и безъ сомнѣнія представляютъ большія отклоненія отъ обыкновенныхъ черемисскихъ похоронъ.

Бракосочетаніе у сектантовъ совершается въ той же самой избѣ, въ которой справляются каждую пятницу обыкновенныя моленія. Женныхъ и невеста до свадьбы иной разъ усвѣли уже другъ съ другомъ основательно познакомиться, что часто доказывается излишней полнотою невесты, потому что, какъ я сказалъ выше, основатель секты оставилъ въ полной неприкосновенности древній институтъ — половую свободу молодежи. Обрядъ бракосочетанія совершается около полудня зимой и нѣсколько позднѣе лѣтомъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы всякія яства и кушанья были готовы къ этому времени въ домѣ жениха. Свадьбы могутъ совершаться въ любой день недѣли, кромѣ четверга, когда нужно готовится къ моленію.

Къ условленному времени въ молитвенную избу одновременно являютъ женихъ (*каиче*) и невеста (*кайтш-юдур*) — оба кугусортин-

цы—въ сопровожденіи—первый дружки (*чабыли*), вторая—свахи (*тулаче*). Женихъ одѣтъ въ бѣлую поскоиную рубашку и такой же шобуръ, подаренные невестой и расшитые цвѣтнымъ узоромъ; на невестѣ кромѣ рубашки, украшенной узорами, надѣтъ праздничный шобуръ, а на голову накинута длинная фата— продолговатый большихъ размѣровъ четырехугольный платокъ (*перенчикъ*), по угламъ расшитый шелковыми узорами. Спереди этотъ платокъ богато украшенъ серебряными монетами. Остальныя принадлежности костюма, начиная со шляпы у жениха и кончая онучами у обоихъ — все бѣлое (даже ремешъ на женихѣ—бѣлый сыромятный) и по возможности не бывшее въ употребленіи.

Костюмъ невесты много теряетъ отъ того, что на ней нѣтъ традиціоннаго краснаго пояса (*пота*), который такъ идетъ къ расшитому бѣлому костюму. Особенность костюма дружки заключается въ томъ, что шобуръ его, по древнему черемисскому обычаю, расшитъ по бортамъ шелкомъ и цвѣтными шерстями, какъ у женщинъ, а сваха имѣетъ на головѣ высокій древній уборъ — *шурк*, сплошь залитый серебряными монетами, и широкую перевязь черезъ правое плечо (*аршаш*), только съ одними монетами и бѣлыми раковинами, по безъ разноцвѣтнаго бисера и бусъ, какъ у остальныхъ черемисъ. Прочіе участники обряда одѣты также по праздничному.

Въ переднемъ углу комнаты приготовлено два стола: липовый столъ широкой стороною направленъ къ востоку-юго-востоку, а березовый—къ сѣверо-востоку, такъ что, стоя рядомъ, на пѣкаторомъ разстояніи отъ стѣны дома, столы эти образуютъ собою небольшой входящій уголъ; противъ этого угла для брачующихся постлается кусокъ пеньковаго холста, отдѣльно отъ того большаго лоскута, на которомъ стоятъ оба стола. На каждомъ столѣ лежитъ по восковому кругу; на березовомъ столѣ ставится на кругъ 9 свѣчей отъ жениха, на липовомъ—7 свѣчей обычной кугусортинской мѣры отъ невесты; среднія свѣчи на обоихъ столахъ по обыкновенію значительно толще остальныхъ. Передъ началомъ обряда дружка спрашиваетъ жениха и невесту, по доброй ли волѣ они соединяются; не довольствуясь ихъ утвердительнымъ отвѣтомъ, дружка спрашиваетъ по два свидѣтеля съ каждой стороны, а потомъ ставитъ жениха и невесту на назначенную для нихъ подстилку. После этого самъ дружка или одинъ изъ старѣйшихъ представите-

лей секты начинается молитву Великому Богу-создателю и его жёнъ, въ которой испрашивается благословеніе обоимъ на предстоящую брачную жизнь, излагается просьба о дарованіи имъ семейной тишины и покоя, здоровья и прибыли въ дѣлахъ, многочисленнаго семейства и долгой жизни. Послѣ этой молитвы брачующіеся обводятся вокругъ столовъ, становятся на прежнее мѣсто, обмѣниваются кольцами, и обрядъ конченъ.

Обмѣнъ кольцами, строго говоря, является излишнимъ, потому что дѣвушка уже значительно раньше вручила любимому человѣку кольцо, когда отдалась ему, но это совершается ради большей торжественности. Дружка обращается къ новобрачнымъ съ приличнымъ случаемъ наставленіемъ, поздравляетъ ихъ и подноситъ имъ въ деревянномъ ковшичкѣ медовщины. На голову молодой (*ор-йитъ вѣтѣ*) надѣвается теперь *сорока*—головной уборъ замужней женщины, поверхъ которой накидывается фата. Всѣ выпиваютъ затѣмъ понемногу медовщины и отправляются пировать въ домъ новобрачнаго; пиръ тянется до поздней ночи, сопровождаясь пѣснями и плясками подъ цѣлый оркестръ изъ гуслей, волынки и барабана.

Подводя итогъ всему нами сказанному о кугусортищахъ, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить ихъ необычайную незлобивость, простодушіе и подчиненіе волѣ Верховнаго Существа. Никогда они не жалуются на притѣсненія и гоненія, относясь къ нимъ крайне благодушно и рассказывая о своихъ несчастіяхъ въ такомъ духѣ, какъ будто бы эти несчастія происходили совсѣмъ не съ ними, а съ кѣмъ-то другимъ.

Кугусортинское религіозное движеніе имѣетъ нѣкоторое сходство съ тѣмъ экстазомъ, который въ средніе 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія замѣчался среди горныхъ черемисъ (Козмодемьянскаго уѣзда, Казанской губ.), выразился въ увлеченіи христіанствомъ и напелъ себѣ исходъ въ основаніи черемисскаго монастыря на р. Малой Юнгѣ. Въмѣстѣ съ тѣмъ это сектанство отчасти напоминаетъ нашъ расколъ, именно тѣми послѣдствіями, которыя оно произвело среди язычествующихъ черемисъ. Но языческая секта лишена нетерпимости и ожесточенія, которыми зачастую отличается наше старообрядчество.

Причины религіознаго движенія среди черемисъ указаны выше; во многомъ секта обязана своимъ появленіемъ чисто случайнымъ причинамъ, много виноваты въ ея появленіи и русскіе, потому что, обративъ черемисъ въ христіанство болѣе или менѣе давно, мы не старались научить ихъ русскому языку и выѣдрить въ нихъ пониманіе новой вѣры. Вышло такъ, что серьезныя попытки переводовъ богослужебныхъ книгъ на черемисскій языкъ начались уже послѣ появленія новой секты.

Вмѣсто изученія сектантства, какъ бы это слѣдовало, мѣстное иранское духовенство принялось посадь Казанской выставки за крайне неумѣлое, рѣзкое обличеніе и не стѣснялось въ выборѣ средствъ для уничтоженія ереси. Сколько разъ я ни останавливался надъ вопросомъ о причинахъ столь успешнаго гоненія на основателей новой вѣры, я не находилъ другого къ тому повода со стороны мѣстнаго духовенства, кромѣ преслѣдованія узкихъ интересовъ чисто матеріальнаго свойства. Духовенство, на глазахъ коего секта развивалась цѣлыхъ 12 лѣтъ, не потрудилося даже ознакомиться съ основами новой вѣры и само росписалось въ своемъ полномъ безпліи бороться съ новымъ ученіемъ, не постыдившись, при содѣйствіи свыше, прибѣгнуть къ такой жестокой мѣрѣ противъ основателей секты, какъ административная ссылка безъ всякаго суда. Когда сектанты вернулись изъ ссылки, иранское духовенство слѣдило только за тѣмъ, чтобы они не водворились на мѣстѣ прежняго жительства, или даже въ ближайшемъ сосѣдствѣ, но опять таки ровно ничего не сдѣлало для изученія секты.

Такой образъ дѣйствій со стороны духовенства продолжается до послѣдняго времени. Все, что сдѣлано для изученія секты, сдѣлано не духовенствомъ, не миссіонерами, а лицами посторонними. Исключеніе представляетъ Я. Кобловъ, въ качествѣ катехизатора исполнявшій порученіе архіепископа казанскаго Димитрія; но ему пришлось только согласиться съ справедливостью заключеній, сдѣланныхъ относительно секты его предшественниками.

Въ такомъ живомъ дѣлѣ, какъ сектантство вообще, всегда полезно выслушать мнѣніе не только миссіонеровъ, но и частныхъ наблюдателей, болѣе или менѣе знакомыхъ съ бытомъ инородцевъ. Въ качествѣ такового, я позволю себѣ сказать въ заключеніе

моего очерка, что, при всѣхъ отмѣченныхъ выше недочетахъ, секта кугу сорта, не представляя собою ничего опаснаго ни съ общесвешной, ни съ государственной точки зрѣнія, есть благопродныйшее явленіе на пещиромъ фронѣ черемисскаго многобожія и кровавыхъ жернивъ. Она неизмѣримо выше мусульманства, потому что не знаетъ фанатизма послѣдняго и не ведетъ пропайнды, нередко связанной съ насиліемъ. Сущность кугусортинскаго ученія настолько возвышена, что нельзя колебаться ни одной минуты съ рѣшеніемъ вопроса о томъ, что лучше: сварочеремисское язычество, мусульманство или секта кугу сорта?

А между тѣмъ мусульманская пропаганда въ инородческихъ предѣлахъ процвѣтаетъ безнаказанно: изъ послѣдняго отчета Православнаго миссіонерскаго общества видно, что въ одной только Уфимской губ. отпало въ мусульманство 3840 душъ чувашъ.

Съ точки зрѣнія миссіонерской, въ интересахъ господствующей церкви, желательно, разумѣется, возвращеніе сектантовъ въ лоно православія. Но добиваться этого слѣдуетъ не тѣми унижающими православіе средствами, какими это дѣлалось до сихъ поръ. Не путемъ полицейскаго надзора, не съ помощью суровыхъ административныхъ каръ, а мѣрами кротости, любви и терпѣнія нужно бороться съ ученіемъ кугусортинцевъ. Это тѣмъ легче сдѣлать, что секта кугу сорта представляетъ собою прочный мостъ для перехода изъ язычества въ христіанство, а почва для послѣдняго разработана Якмановымъ пожалуй даже лучше, чѣмъ удалось это православнымъ миссіонерамъ.

Но вятское духовенство (въ частности — яранское), какъ мы выше видѣли, привыкло бороться съ язычествомъ совѣмъ инымъ оружіемъ. Живое дѣло изученія секты и собесѣдованія съ уклоняющимися въ нее черемисами вятское духовенство замѣнило безсодержательною риторикой канцелярскихъ бумагъ.

Остается пожелать, чтобы высшая духовная власть вѣрнѣе взглянула на столь важный въ инородческой жизни фактъ и указала сельскому духовенству совершенно иной, чисто христіанскій образъ дѣйствія.

С. К. Кузнецовъ.

Ноябрь—декабрь 1908.
Москва.